

ЭМИГРАНТЪ

Литературный и иллюстрированный журналъ.

№ 6/7

1924 г.

Содержаніе:

„Рускій Ревель и 10-лѣтіе Великой войны“ — ст. В. Глуховца.

„Вкладъ Россіи въ побѣду союзниковъ“ — докладъ А. К. Баіова.

„Роковая ошибка“ — рассказъ Г. Ланденъ. Перев. съ англ. Э. М.

„Старый вальсъ“ — рассказъ А. Маккъ.

„Осеннее одиночество“ — стих. Вл. Гущика.

„Похожденія моего кума Никиты Иваныча“ — Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ передачѣ В. Нѣмковскаго.

„Игрокъ кровью“ — статья А. В. Чернявскаго.

„Борись Савинковъ“ — силуэтъ П. Шуйскаго.

„Героямъ и мученикамъ“ — Изъ Ревельской хроники Б. Савинова.

„На братской могилѣ“ — стихи Е. Г. и Нотбекъ.

„Возвращеніе Тарзана“ — романъ Э. Бурроуза. Перев. Э. М.

Театръ и Кино.

Мелочи. Копилка курьезовъ. Эпиграммы.

Издательство „ЭМИГРАНТЪ“

Tallinn (Reval), S. Juhkentali t. 2. Tel. 25-11

Pianinos
von
Römhildt - Weimar

Основано въ 1873 году.

ЕВГЕНІЙ БРАНДТЪ

Музыкальный магазинъ

Ревель, Морская ул. 29. Почтовый ящикъ 91.

Предлагаетъ въ большомъ выборѣ музыкальную литературу, а также выеааго качества:

скрипки, віолончели, мандолины, гитары, балалайки, деревян. и металлическія гармошки, граммофоны и граммофонныя пластинки

всемирно извѣстной фабрики „ODEON“ и др.

Музыкальныя принадлежности. Имѣются постоянно свѣжія струны выеааго качества. Единственное представительство въ Эстоніи извѣстныхъ фирмъ, какъ-то: Rud. Ibach Sohn, Barmen, Römhildt, Weimar.

Рояли самой лучшей работы.

Самая старинная конфектная фабрика

≡ **А. Брандманъ** ≡

Существуетъ съ 1901 г.

Ревель, М. Юрьевская, б. Телефонъ 15-94.

Предлагаетъ изъ собственной фабрики всевозможные сорта шоколада, карамели и бисквита.

ЭМИГРАНТЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

Редакція: Suur Juhkentali tänav Nr. 2. — Телефонъ № 25-11.
Пріемъ ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 9 ч. у. до 5 ч. дня.
Объявленія: 1/1 стран.—4.000 мрк., 1/2 стран.—2.000 мрк., 1/4 стран.—1.000 м., 1/8 стран.—500 м., среди текста и на обложкѣ —50% дороже.
При повторныхъ объявленіяхъ — скидка по соглашенію. Предложенія и спросъ труда и розыски бѣженцевъ бесплатно.

№ 6/7.

Сентябрь 1924 г.

I годъ изданія.

Русскій Ревель и 10-лѣтіе Великой войны.

Десятилѣтіе начала Мировой войны ознаменовано было со стороны національно настроенной части ревельской русской колоніи рядомъ общественныхъ выступленій.

Инициатива была проявлена Русскимъ Клубомъ и редакціей журнала „Эмигрантъ“.

Въ Александрo-Невскомъ Соборѣ 5-го августа отслужена была торжественная панихида по павшимъ за Россію воинамъ Великой войны и погибшимъ въ годы смуты. Заупокойное богослуженіе совершалъ митрополитъ Ревельскій и всея Эстоніи Александръ, въ сослуженіи всего православнаго духовенства, прибывшаго на засѣдавшій тогда церковный съѣздъ, и священниковъ ревельскихъ русскихъ приходоѡ.

На панихидѣ присутствовалъ въ полной парадной формѣ и съ русскимъ орденомъ Св. Анны представитель французской военной миссіи, commandant Вон.

Въ субботу, 9-го августа, въ день Св. Николая Новгородскаго, являющагося, какъ извѣстно, днемъ Тезоименитства Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича, въ ревельской Николаевской церкви устроены были торжественный молебенъ о всѣхъ нынѣ здравствующихъ и вѣрныхъ Россіи участникахъ Великой войны, во главѣ съ первымъ Верховнымъ Главнокомандующимъ російскими Арміями.

Молебенъ прошелъ при большомъ стеченіи народа. Присутствовали наи-

болѣе видные представители русской колоніи самыхъ различныхъ направлений и много военныхъ, бывшихъ участниковъ войны.

При возглашеніи прошенія о здравіи Верховнаго Вождя русскихъ силъ, всѣ молящіеся опустили на колѣни.

12-го августа въ Русскомъ Клубѣ состоялось собраніе, посвященное воспоминаніямъ о мрачной и величественной годовщинѣ объявленія войны 19 іюля 1914 года.

Залъ былъ переполненъ такъ, что пришлось снять перегородку.

Были прочтены доклады: контръ-адмиралъ П. П. Левицкій на тему: „Русскій флотъ передъ войной и на войнѣ“; Ген. А. К. Баіовъ: „Вкладъ Россіи въ побѣду союзниковъ“ и редакторъ А. В. Чернявскій: „Россія и война“.

Въ докладахъ выяснено было миролюбіе Императора Николая II, не желавшаго войны и кровью своей и семьи запечатлѣвшаго вѣрность союзникамъ, огромныя жертвы Россіи, принесшія побѣду въ Мировой войнѣ и своекорыстіе союзниковъ, воспользовавшихся русскими усиліями и отблагодарившихъ національную Россію... признаніемъ большевиковъ.

Въ заключеніе были приняты предложенныя А. В. Чернявскимъ резолюція и привѣтственное обращеніе къ Великому Князю Николаю Николаевичу и Великому Американскому народу, единственному другу Россіи.

Резолюція, принятая 12 августа с. г. собраніемъ, посвященнымъ памяти Мировой войны.

Вспоминая и переживая событія великой Европейской войны, собравшіяся 12-го сего августа національно мыслящіе и чувствующие русскіе люди считаютъ необходимымъ высказать нижеслѣдующее:

1) Разгромъ Германіи, Австріи, Турціи и Болгаріи и полная побѣда надъ ними державъ, такъ называемой, Антанты могли быть достигнуты, лишь благодаря участію въ этой войнѣ национальной Россіи.

2) Национальная Россія начала войну и вела ее, честно выполняя принятыя на себя союзныя обязательства, не ради самообогащенія или порабоженія другихъ народовъ, а во имя всегда проводимыхъ ею принциповъ человѣческой морали, возвышенныхъ всему міру при началѣ этой войны и сковавшихъ во едино дѣйствія всѣхъ славныхъ союзныхъ армій.

3) Во имя этихъ же идей, во имя братской поддержки своихъ союзниковъ — въ кровавыхъ бояхъ національная Рос-

сія потеряла лучшихъ своихъ сыновъ.

4) Даже и тогда, когда во имя Интернационала — Национальная Россія была разрушена большевиками, заключившими сепаратный миръ въ Брестъ-Литовскѣ, даже и тогда русскіе люди въ борьбѣ за восстановление своей родины вмѣстѣ съ національной идеей стойко и честно сохраняли вѣрность бывшимъ своимъ союзникамъ.

Въ виду вышеизложеннаго, собравшіяся не могутъ безъ чувства глубокой горечи и печальнаго удивленія видѣть, какъ многія теперешнія Правительства Европейскихъ государствъ, забывая о великихъ жертвахъ русскаго народа и героическихъ подвигахъ русской национальной арміи, совершенныхъ на общую пользу и въ интересахъ своихъ тогдашнихъ союзниковъ, забывая все это, стремятся признать группу интернационалистовъ, ненавидимыхъ тѣмъ же русскимъ народомъ, за истинное правительство обезкровленной и разрушаемой ими же великой страны.

Вкладъ Россіи въ побѣду союзниковъ *).

А. К. Баіовъ.

„Мы должны скорѣе признать настоящее правительство въ Россіи, такъ какъ русскій народъ пролилъ много крови для общаго дѣла союзниковъ“. Такъ сказалъ недавно французскій премьеръ-министръ Эррио, бесѣдуя съ журналистами по поводу своей внѣшней политики.

Конечно, было бы логичнѣе и умнѣе сказать, что: „Такъ какъ русскій народъ пролилъ много крови для общаго дѣла союзниковъ, особенно въ интересахъ Французовъ, то намъ французамъ не слѣдуетъ признавать тѣхъ, которые физически уничтожаютъ и морально растлѣваютъ русскій народъ, стремясь къ полному разрушенію нашей благородной союзницы — Великой Россіи“.

*) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ засѣданіи въ Ревельскомъ Русскомъ Клубѣ 12-го августа 1924 г. въ память десятилѣтія Мировой войны.

Однако, въ десятилѣтіе начала Мировой войны все же пріятно констатировать тотъ фактъ, что даже Франція-Эррио признаетъ тѣ громадныя жертвы, которыя принесла Россія, честно выполняя свой долгъ передъ союзниками.

Впрочемъ, разъ на этомъ признаніи великихъ жертвъ Россіи базируется признаніе большевиковъ, то очевидно, что эти жертвы и, какъ слѣдствіе ихъ, роль Россіи въ войнѣ недостаточно осознаны, а признаніе громадности этихъ жертвъ и оцѣнка указанной роли Россіи не искренни.

Намъ приходится только утѣшаться, хотя это утѣшеніе слабое, что, кромѣ Франціи-Эррио, есть еще Франція-Пуанкаре и Мильерана.

Не лучше въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ и у другихъ нашихъ союзниковъ.

Конечно, было бы наивно ждать

правильной оцѣнки вклада Россіи въ Великой войнѣ на пользу Антанты отъ социалиста Макдональда, который возглавляетъ нынѣшнее правительство Англии, который за свои пораженческія рѣчи во время войны былъ исключенъ изъ членовъ шотландскаго гольфъ-клуба, не желающаго принять его и теперь, и который своей политикой, такой елейной, такой маниловской заставилъ своего Короля дружески пожимать кровавыя руки убійцъ Высокаго его Кузена.

Здѣсь для насъ нѣтъ даже утѣшенія въ томъ, что, кромѣ Англии-Макдональда, есть еще Англія-Лойдъ Джоржа или Англія-Бальдвина, ибо они, извините за вульгарное выраженіе, въ русскомъ вопросѣ однимъ міромъ мазаны.

Тоже можно сказать и относительно третьяго изъ главныхъ союзниковъ нашихъ въ Великой войнѣ-Италии, гдѣ Муссолини чуть ли не громогласно цинично заявляетъ, что ему и руководимой имъ Италиі совершенно нѣтъ дѣла до того, что было сдѣлано Великой Россійской Имперіей и русскимъ народомъ въ интересахъ и на пользу союзниковъ и, въ частности, для спасенія Италиі, что, считаясь исключительно только съ сегодняшними меркантильными интересами своего государства, онъ открыто и вполне сознательно готовъ работать вмѣстѣ съ шайкой интернационалистовъ для окончательнаго разушенія спасительницы Италиі, и что, для болѣе успѣшнаго результата этой работы, онъ призналъ названную шайку за правительство Россіи, доставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, будучи монархистомъ, своему Королю сомнительное удовольствіе пожимать руки и бесѣдовать съ убійцами благороднѣйшаго изъ монарховъ.

Даже въ Сербіи находятся группы политическихъ дѣятелей, которые готовы забыть вѣковыя заботы о ихъ родинѣ Россіи, неисчислимыми жертвами которой совершилось объединеніе Сербскаго народа и маленькое Сербское Королевство обратилось въ обширное соединенное Королевство Сербовъ-Хорватовъ и Словенцевъ.

Нельзя не вспомнить также здѣсь и Чехію, министръ иностранныхъ дѣлъ которой Бенешъ, забывая, что только благодаря Императорской Россіи, разрушившей Имперію Габсбурговъ, Чехія

возстановила свою независимость и самостоятельность, недружелюбно относится къ представителямъ національной Россіи, всѣми мѣрами поддерживаетъ тѣхъ, кто уготовилъ путь большевикамъ и кто сейчасъ больше всего боится ихъ паденія, и не только самъ горитъ желаніемъ поскорѣе войти въ дружескія отношенія съ поработителями той Россіи, которая являлась главнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ возстановленія Чехо-Словатской республики, но еще стремится оказать добрыя маклерскія услуги большевикамъ въ вопросѣ признанія ихъ, соблазнивъ на это злое дѣло и другихъ славянъ, всѣмъ обязаннымъ русскому народу, не считающему, однако, возможнымъ признать такъ милыхъ сердцу Эррио, Макдональда, Муссолини и Бенеша—большевиковъ.

Впрочемъ, говоря о Чехіи и Бенешѣ, нельзя не вспомнить съ чувствомъ искренней признательности и громаднѣйшаго уваженія великаго Славянина, мудраго и благороднаго Крамаржа и его сторонниковъ, свято чтущихъ Великую Россію, вѣрующихъ въ ея возрожденіе и потому ненавидящихъ тѣхъ, кто этому возрожденію мѣшаетъ.

Да будетъ и это намъ въ утѣшеніе!

Итакъ, прошло всего десять лѣтъ со времени начала Великой Мировой войны и только немногимъ болѣе пяти лѣтъ съ ея окончанія, какъ почти всѣ наши „благородные“ и „прекрасные“ союзники, такъ много выигравшіе отъ этой войны, совершенно забыли о Россіи, о настоящей національной Россіи, которая 4 года являлась ихъ боевымъ соратникомъ, которая пролила за это время рѣчки дорогой крови своихъ лучшихъ сыновъ, которая, работая съ союзниками и на нихъ, заставила весь свой народъ испытать втеченіе войны массу горя, пролить моря слезъ, перенести неизмѣримое количество всякаго рода затрудненій, тягостей, нарушенія нормальнаго теченія народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, наконецъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, пожертвовать собою для спасенія союзниковъ, о которыхъ можно теперь сказать, что они удивляютъ міръ своей неблагодарностью.

Такую забывчивость и неблагодарность тѣхъ, кого въ Великую войну мы были союзниками, можно объяснить тѣмъ, что они или искренне не соз-

наютъ и не понимаютъ всего того, что сдѣлала для нихъ національная Россія, какова была ея роль въ Мировой войнѣ, чѣмъ они обязаны ей, или не хотятъ этого понимать, кривя душой для того, чтобы въ настоящее время использовать для своего обогащенія интернациональные элементы, распоряжающіеся тѣмъ, что еще недавно носило гордое и великое имя Россія, а въ будущемъ избавиться отъ могущественнаго партнера на міровой сценѣ жизни, сильнаго своей духовной культурой, своими моральными и матеріальными безмѣрными богатствами, своей даровитостью и безспорной талантливостью.

Но развѣ одни только наши „союзники“ теперь не дооцѣниваютъ все содѣянное Россіей въ страшные годы Великой войны, когда она жертвенно и безкорыстно работала на пользу и въ интересахъ своихъ великихъ и малыхъ соратниковъ.

Развѣ правильно оцѣниваютъ все это тѣ антинациональные элементы, которые руководятъ и группируются около, съ позволенія сказать, русской газеты „Дни“, которые за чечевичную похлебку-за два мѣста въ Совнаркомѣ готовы подать руку ненавидимымъ русскимъ народомъ большевикамъ и вмѣстѣ съ ними оптомъ и въ розницу продолжать распродать Россію.

Это вѣдь они на страницахъ „Дней“, забывая все сдѣланное русскимъ народомъ и въ частности русской арміей въ священные годы борьбы съ врагами Славянства, утверждаютъ, что не было смысла въ этой борьбѣ, что „для Россіи не существовало никакихъ серьезныхъ причинъ, никакого даже повода для кроваваго столкновенія съ кѣмъ бы то ни было“ и что „историческая обстановка, при которой Россію бросили въ войну, сдѣлала поведение русскихъ демократовъ и социалистовъ-оборонцевъ совершенно неуязвимымъ“.

Сколько здѣсь, помимо всего прочаго, неуваженія къ жертвенной крови русской арміи, сколько, такъ сказать, „недооцѣнки“ всего содѣяннаго русскимъ народомъ въ его благородномъ порывѣ по призыву своего Верховнаго Вождя придти на спасеніе родственнаго Славянскаго народа; выполнить свои формальные и нравственные обязательства передъ своими союзниками; нако-

нецъ, защитить самага себя, свою вѣру, свою культуру, престолъ своихъ Царей, приведшихъ Россію къ величію, богатству и славѣ, страну своихъ предковъ, могилы своихъ дѣдовъ и отцовъ, свои домашніе очаги, колыбели своихъ младенцевъ отъ постоянныхъ и злыхъ враговъ всего Славянства, отъ жестокихъ Тевтоновъ.

Но и среди национально настроенныхъ русскихъ людей, горячо любящихъ Россію, свято чтущихъ дѣянія своихъ Царей и своихъ предковъ, съ умиленіемъ съ душевнымъ восторгомъ наблюдавшихъ подвиги своей родной арміи на поляхъ битвъ безпримѣрной въ исторіи Великой Мировой войны, далеко не всегда можно встрѣтить полное освѣдомленіе о томъ, что сдѣлала наша армія за четыре года послѣдней Всеевропейской войны, а потому и правильную оцѣнку всего этого сдѣланнаго.

Къ тому же мы излишне скромны, особенно тогда, когда мы дѣйствуемъ вмѣстѣ съ „просвѣщенными“ западными народами. И, отдавая должное ихъ работѣ и ея результатамъ, мы преуменьшаемъ первую и умоляемъ вторую, когда дѣло касается насъ.

И отъ этого мы только проигрываемъ. Мы, вслѣдствіе этого, не только во всемъ отдаемъ, почти всегда несправедливо, первенство европейцамъ, но мы этимъ самымъ подрываемъ нашъ духъ и энергію, лишаемъ себя необходимой увѣренности, теряемъ настойчивость, чувствуемъ себя, какъ бы, пониженными, недооцѣниваемъ своихъ способностей, своихъ силъ, и въ результатѣ легко пасуемъ передъ грубымъ, и, простите за выраженіе, нахальнымъ натискомъ.

Не довольно ли? Не пора ли отъ самоуничиженія, отъ излишней скромности намъ перейти къ правильной самооцѣнкѣ, конечно, безъ преувеличенія, безъ самохвальства, безъ вздорнаго чванства?

И прежде всего въ дни десятилѣтія начала Великой Мировой войны намъ нужно оглянуться на то, что было въ эту войну сдѣлано нашей несравненной Императорской арміей и безпристрастно оцѣнить сдѣланное въ интересахъ союзниковъ, которые такъ непростительно забыли или хотятъ забыть своихъ

безкорыстныхъ, честныхъ и добродушныхъ соратниковъ.

Обращаясь къ работѣ русской арміи во время Міровой войны, прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ, къмъ эта работа производилась, другими словами, что представляла собой русская армія, составлявшая вмѣстѣ съ союзными войсками ту силу, которая боролась съ центральными державами и примкнувшими къ нимъ впоследствии Турціей и Болгаріей.

Въ мирное время, передъ войной, въ 1914 году армія наша имѣла численность въ 1.300.000 чел. При мобилизаціи въ іюль 1914 года она развернулась въ грозную силу общей численностью въ 4.700.000 человекъ.

Чтобы оцѣнить значеніе этой цифры, достаточно указать, что Франція въ это время выставила армію, силою около 2-хъ мил., Англія 100.000 чел., Бельгія 125.000 чел., Сербія и Черногорія около 300.000 чел. Такимъ образомъ, Россія съ самаго начала войны выставила армію, численность которой вдвое превосходила арміи всѣхъ остальныхъ союзниковъ.

Въ тоже время Германія и Австрія съ началомъ войны выставили вмѣстѣ немного болѣе 3.000.000 чел.

Впоследствии силы всѣхъ воюющихъ государствъ были значительно увеличены и къ нимъ были прибавлены еще арміи народовъ, присоединившихся къ той или иной сторонѣ, но все же соотношеніе между численностью русской и другихъ союзныхъ армій всегда оставалось, какъ 2 къ 1. Къ этому нужно прибавить, что русскія войска сражались не только въ составѣ своихъ армій, но также, въ виду недостатка силъ союзниковъ, и въ составѣ ихъ армій, какъ напр., во Франціи и въ Салонникахъ.

Но не одною численностью измѣряется сила арміи, она складывается еще изъ вооруженія, всякаго рода снабженія, боевой подготовки, т. е. обученія, и, наконецъ, наиболѣе важной составной части силы арміи, — ея моральной цѣнности, ея воспитанія.

Вооруженіе русской арміи передъ войной не уступало по своимъ качествамъ вооруженію всѣхъ другихъ европейскихъ армій: — она имѣла прекрасное ружье и отличную легкую полевую пушку.

Правда, когда пришлось одновременно имѣть подъ ружьемъ до 7.000.000 чел., то ружей своихъ не хватало и пришлось прибѣгнуть къ приобрѣтенію ихъ за границей и къ использованію — отобранныхъ у противниковъ.

Временами этотъ недостатокъ тяжело сказывался на дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, но онъ не отражался отрицательно на положеніи союзниковъ, ибо русскія войска и при недостаткѣ ружей дрались также самоотверженно и тѣмъ привлекали на себя такое количество врага, что наши союзники совершенно свободно и въ полной безопасности могли пополнять усиленнымъ производствомъ у себя недостатокъ въ ружьяхъ, — недостатокъ, который и у нихъ выявился въ началѣ 1915 г., вслѣдствіе такого же, какъ и въ русской арміи, несоотвѣтствія между количествомъ призванныхъ въ армію людей и запасами ружей мирнаго времени.

Нельзя не отмѣтить, что наша армія начала войну, имѣя чрезвычайно незначительное количество, такъ называемой, полевой тяжелой артиллеріи, важное значеніе которой выяснилось уже на опытѣ русско-японской войны... Но нужно сказать, что французская и англійская арміи вышли на войну, вовсе не имѣя такой артиллеріи, и лишь самоотверженныя дѣйствія русской арміи лѣтомъ 1915 года, въ связи съ широко развитой металлургической промышленностью Франціи и Англіи еще въ мирное время, дали возможность имъ пополнить этотъ недостатокъ. Только одна германская армія въ вопросѣ снабженія полевой тяжелой артиллеріи была на высотѣ тогдашнихъ требованій.

Наша армія начала боевыя дѣйствія, имѣя недостаточный запасъ какъ ружейныхъ, такъ и артиллерійскихъ патроновъ. Это прежде всего объясняется тѣмъ, что рассчитывали на короткую войну и на экономный расходъ огнестрѣльныхъ припасовъ. Ни тотъ, ни другой расчетъ не оправдались. Однако, нужно отмѣтить, что такая же ошибка была сдѣлана и всѣми остальными воюющими арміями: всѣ, не исключая и немцевъ, предполагали, что война будетъ продолжаться недолго и поэтому никто не имѣлъ достаточныхъ запасовъ патроновъ. Этимъ, между прочимъ, въ значительной степени объясняется и нерѣшительность какъ Марн-

скаго сраженія, въ сентябрѣ 1914 г., такъ и послѣдующихъ боевъ въ теченіи всей остальной части этого года.

Однако, въ послѣдующее время положеніе союзниковъ въ этомъ отношеніи стало лучшимъ и это по тѣмъ же причинамъ, по которымъ, какъ было указано выше, стало лучше положеніе ихъ и въ вопросѣ относительно тяжелой артиллеріи: союзники имѣли возможность пополнять свои запасы и развить ихъ производство до грандіознѣйшихъ размѣровъ, лишь прикрываясь широкой спиной русской арміи, изнемогавшей ради союзниковъ въ неравной борьбѣ втеченіе лѣта 1915 года.

Часто слышатся и теперь еще упреки нашей арміи, что она передъ войной 1914 года имѣла мало аэроплановъ, но, въ дѣйствительности, въ этомъ отношеніи не было разницы между арміями, участвовавшими въ войнѣ, и русская армія, подобно другимъ, имѣла на каждый корпусъ одинъ авіаціонный отрядъ, въ составѣ 6 аппаратовъ.

Было бы необоснованнымъ бахвальствомъ утверждать, что вооруженіе и боевое снаряженіе нашей арміи передъ Великой войной было въ полной мѣрѣ на высотѣ требованій, но мы увѣренно заявляемъ, что въ этомъ отношеніи русская армія мало чѣмъ отличалась отъ другихъ армій, какъ нашихъ союзниковъ, такъ и нашихъ противниковъ.

Въ подтвержденіе этой моей мысли приведу слова одного изъ лучшихъ нѣмецкихъ изслѣдователей Міровой войны,—Риттера, который въ своемъ сочиненіи: „Критика Міровой войны“ о вооруженіи нѣмецкой арміи передъ войной, между прочимъ, говоритъ: „Главнѣйшее и въ то же время единственное дополняющее оружіе пѣхоты,—пулеметъ, находилось въ первые годы войны еще въ стадіи опыта. Германскіе военные круги относились къ нему, какъ къ произведенію техники, съ обычнымъ скептицизмомъ, несмотря на то, что данные русско-японской войны настойчиво подчеркивали значеніе этого оружія“. И въ другомъ мѣстѣ: „Германская полевая артиллерія должна была выйти на войну съ пушкой, которая по дѣйствію стояла далеко позади орудій всѣхъ противниковъ“.

А вотъ выдержки изъ сочиненія выдающагося французскаго автора, гене-

рала Херръ: „Артиллерія—какой она была, какой есть и какой должна быть“.

„Безусловной ошибкой нужно считать скептическое отношеніе французовъ къ тяжелой артиллеріи, ярко проявившееся передъ началомъ войны“...

Далѣе: „Уже при первыхъ столкновеніяхъ обнаружили ошибку нашихъ (т. е. французскихъ) тактическихъ выводовъ и нашей организаци: недооцѣнка дѣйствительности огня и совершенно недостаточная артиллерія, какъ по качеству, такъ и по количеству,—къ тому же еще плохо примѣняемая тактически“.

Интересны также слова французскихъ депутатовъ, разсматривавшихъ въ самое послѣднее время законы, относящіеся къ арміи или, какъ во Франціи говорятъ: „Военный статутъ Франціи“. Они установили, что французскій генеральный штабъ не желалъ передъ войной и слышать о тяжелой артиллеріи въ арміи; онъ же допустилъ ошибку мобилизаци для фронта рабочихъ тѣхъ заводовъ, которые выдѣлывали военные снаряды, чѣмъ былъ вызванъ ихъ недостатокъ въ началѣ войны, наконецъ, что „Жоффри надѣялся на короткую войну, и, въ связи съ такимъ взглядомъ, генеральный штабъ вовсе не позаботился разработать санитарную часть въ арміяхъ; въ законѣ остался вопросъ и о резервахъ“.

Такихъ выдержекъ изъ серьезныхъ трудовъ о послѣдней войнѣ, какъ французскихъ, такъ и нѣмецкихъ авторовъ можно привести еще много, но для нашей цѣли и указанныхъ достаточно, ибо онѣ вполне подтверждаютъ нашу мысль, что если въ нашей арміи передъ войной были недостатки въ техническомъ снабженіи арміи, то не меньшіе были и въ лучшихъ арміяхъ нашихъ союзниковъ и нашихъ противниковъ.

Наша армія передъ всеевропейской войной была очень хорошо обучена и боевая подготовка ея стояла очень высоко, сдѣлавъ большой шагъ въ этомъ отношеніи со времени японской войны, послѣ которой занятія какъ съ солдатами, такъ и съ офицерами велись очень интенсивно при учетѣ всѣхъ требованій, выдвинутыхъ японской войной и совершенствуемыхъ въ предвидѣніи возможныхъ новыхъ

условій предстоящей вооруженной борьбы.

Конечно, и въ этой области были пробѣлы и даже крупные, но въ извѣстныхъ предѣлахъ это явленіе неизбежно и, завися отъ природы вещей, въ полной мѣрѣ неустранимо. Такіе пробѣлы, и притомъ значительные, были не только у насъ, но и въ другихъ первоклассныхъ арміяхъ. Такъ напр., упоминаемый уже мной нѣмецкій авторъ, Риттеръ, въ своей книгѣ: „Критика Мировой войны“, говоря о подготовкѣ германской арміи, пишетъ: „Тотъ фактъ, что въ широкихъ массахъ офицерскаго корпуса техникѣ не было оказываемо должнаго уваженія, лучше всего свидѣтельствуеетъ о томъ, что и руководящіе верхи арміи раздѣляли этотъ пренебрежительный взглядъ... Многія атаки, въ особенности позднею осенью 1914 г. на Изерѣ, указываютъ на ошибочную оцѣнку дѣйствительности огня и незнаніе границъ, въ которыхъ можетъ протекать пѣхотная атака...“

Значеніе взаимодѣйствія родовъ войскъ у насъ (германцевъ) было не вполне осознано. Результатомъ явилась работа отдѣльных родовъ войскъ лишь рядомъ другъ возлѣ друга. Не хватало основного условія взаимодѣйствія, а именно взаимнаго ознакомленія...

Въ технической области уставъ германской полевой артиллеріи обнаруживаетъ нѣкоторое нежеланіе пользоваться всѣми возможностями, которыя даютъ техническія преимущества оружія. Къ закрытымъ позиціямъ прибѣгали крайне рѣдко и т. д.“

По справедливости, однако, нужно

отмѣтить, что наши старшіе начальники далеко не всегда были на высотѣ своего назначенія и не всегда обладали необходимыми для веденія современной войны знаніями и дарованіями.

Слишкомъ сложны причины этого явленія, чтобы здѣсь на нихъ останавливаться, но все же нужно подчеркнуть, что это преимущественно зависѣло отъ малаго развитія у насъ военной просвѣщенности, военной культуры, на что въ свою очередь имѣло вліяніе въ значительной степени отношеніе къ арміи общества и особенно, такъ называемой, интеллигенціи, являвшейся истинной руководительницей этого общества. Къ арміи въ лицѣ офицеровъ наше общество относилось въ лучшемъ случаѣ равнодушно, а обычно съ недоброжелательствомъ и даже враждебностью. Армію считали сборищемъ грубыхъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ, думящихъ только о кутежахъ и о своей карьерѣ. Такое отношеніе къ арміи, конечно, не могло создать благоприятной обстановки для широкаго развитія военной культуры въ странѣ.

Лишь, когда увидѣли, какъ эти бездѣльники массами гибли на поляхъ сраженій, защищая честь и достоинство своей родины, справедливость высокихъ идей челоуѣчества и безопасность тѣхъ, кто такъ отрицательно относились къ нимъ, когда увидѣли, что съ исчезновеніемъ національной арміи исчезла и сама Россія, лишь только тогда оцѣнили этихъ бездѣльниковъ. Но лучше поздно, чѣмъ никогда. И да послужитъ это урокомъ на будущія времена!

Продолженіе слѣдуетъ.

GRAND PREMIO

A. ADAMKA.

SAARA KÄUPLUS VANAPOSTI T. Z.
TALLINN-REVAL.

Самая красивая и изящная обувь.

Центральный книжный складъ

„Русская Книга“

Большой выборъ всевозможныхъ книгъ. Последнія новости. Классики. Дешевыя книги для легкаго чтенія. Мемуарная литература. Научныя изданія. Учебники. Книги для дѣтей и юношества.

Ревель, Королевская, 3.

Роковая ошибка.

Рассказъ Г. Ланденъ.
Переводъ съ англ. Э. М.

Во время обѣда Джонъ Грантъ мрачно поглядывалъ на свою жену и думалъ, что онъ меньше бы ее ненавидѣлъ, если бы она не была такъ красива.

Ненависть эта возрастала до крайнихъ предѣловъ при мысли о предполагаемой имъ близости его жены съ художникомъ Терстенемъ Блэръ.

„Ты сегодня особенно очаровательна, Ирина!“ сказалъ Грантъ, прервавъ свои размышления и дѣлая привычную улыбку. На лицѣ Мис-исъ Грантъ отразилось истинное удовольствіе. Она дѣйствительно была прелестна въ своемъ сѣромъ, украшенномъ серебромъ платьѣ, на фонѣ котораго ярко выдѣлялись ея блестящіе черные волосы и смуглая кожа.

„Ты дѣйствительно любишь меня въ сѣромъ?“ Мнѣ говорили, что вишневыя цвѣты мнѣ больше подходятъ?“ спросила она.

У Гранта вертѣлся на языкѣ вопросъ кто сказалъ это, однако, онъ воздержался, т. к. не находилъ въ себѣ силы, чтобы задать обыкновеннымъ тономъ подобный вопросъ.

„Тебѣ пойдетъ каждый цвѣтъ“, тактично отвѣтилъ онъ.

Глаза ея загорѣлись.

„Льстецъ, у тебя всегда наготовѣ комплиментъ, точно мы только-что поженились!“

Джонъ улыбнулся и на этотъ разъ искренне. Ему было приятно сознавать, что онъ настолько искусно можетъ скрывать свои чувства.

„Я вознагражу тебя, Джонъ, за твое милое отношеніе, я готовлю для тебя сюрпризъ“.

Уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ ему стала казаться подозрительной ея дружба съ Терстенемъ Блэръ, въ самыхъ обыкновенныхъ словахъ жены Грантъ искалъ двойной смыслъ.

„Это не хорошо съ твоей стороны, почему не сказать сейчасъ?“

„Тебѣ недолго придется ожидать, Джонъ, всего мѣсяца или 6 недѣль, а до этого не

старайся угадать, все равно не сможешь. Надѣюсь, ты не пойдешь сегодня въ свой противный клубъ!“ прибавила она, съ явнымъ намѣреніемъ перемѣнить разговоръ.

„Нѣтъ, но я общалъ зайти поболтать къ Джордену: бѣдняга за послѣднее время чувствуетъ себя неважно, у него пошаливаетъ сердце. Ты ничего не будешь имѣть противъ этого?“

Она хотѣла отвѣтить, но въ это время въ передней раздался телефонный звонокъ. Грантъ хотѣлъ встать...

„Не безпокойся, милый“, остановила его, заливаясь румянцемъ, жена. „Это, вѣроятно, звонитъ мнѣ Мис-исъ Стевенсъ, чтобы сговориться, когда намъ идти завтра за покупками“.

Ирина быстро направилась къ телефону, не забывъ закрыть плотно за собой дверь.

Грантъ всталъ и, подойдя на цыпочкахъ къ двери, сталъ прислушиваться къ словамъ жены, которая, замѣтно волнуясь, говорила пониженнымъ голосомъ:

„Какъ жаль, я не могу сейчасъ побѣсѣдовать съ вами объ этомъ. Я позвоню черезъ нѣкоторое время... Да, въ половинѣ девятого... Нѣтъ не забуду...“

Въ виду окончанія разговора, Грантъ посиѣшилъ сѣсть на свое прежнее мѣсто, т. к. не хотѣлъ быть уличеннымъ въ подслушиваніи. Насмѣшливая улыбка искривила его губы:

„Звонилъ, конечно, Терстенъ Блэръ. Телефонировать чужой женѣ въ обѣденное время, — что это плохая дипломатія или нахальство!? Скорѣе послѣднее. Они слишкомъ рассчитываютъ на его легковѣрность“. Сердце Гранта наполнилось страшной злобой, которая едва не прорвалась, несмотря на мастерское самообладаніе. Ирина знала, что онъ собирался провести вечеръ у Джордена, и поэтому сказала Блэру, что позвонитъ ему позже, когда она сможетъ говорить безъ помѣхи.

Часы на каминѣ мѣрнымъ тиканіемъ сопровождали беспорядочныя мысли Гранта. Въ его душѣ кипѣла ярость, требовавшая

Кино-знаменитость Можжухинъ.

удовлетворенія. Ему хотѣлось нанести ударъ Иринѣ, ужасный, жестокий ударъ, не физическій, а болѣе утонченный и мучительный. Но какъ?

Бой часовъ заставилъ его взглянуть на нихъ. Было 7 часовъ. Черезъ полтора часа Ирина будетъ говорить по телефону съ Блэрромъ. Глаза Гранта были прикованы къ часамъ, въ немъ, видимо, созрѣвало какое-то рѣшеніе. Возвращеніе Ирины заставило Гранта сейчасъ же измѣнить выраженіе своего лица. Кинувъ быстрый, испытующій взглядъ на мужа, Ирина сѣла. Выраженіе его лица, повидимому, ее успокоило.

„Ну что же, какъ вы рѣшили съ вашими покупками?“

„Мнѣ не везетъ“, нерѣшительно отвѣтила она, съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ. „Ребенокъ m-me Стевенсъ заболѣлъ, и она не можетъ пойти завтра со мной“.

Грантъ внутренне засмѣялся. Его жена не умѣла лгать; голосъ и выраженіе лица выдавали ее. „Она даже не взяла на себя трудъ искусно солгать, считая, вѣроятно, что для успокоенія такого безнадежнаго дурака, какъ онъ, достаточно самой грубой

лжи“,—подумалъ Грантъ, со злобой. Однако, онъ смогъ голосомъ, въ которомъ звучало даже сочувствіе, произнести:

„Какая неудача! Но ты вѣдь можешь дѣлать покупки и одна. Не нужна ли тебѣ новая шляпа? Не хочешь ли купить, наприкладъ, ту, которую ты видѣла въ витринѣ Лео Шварца?“

Ея лицо просіяло.

„Но она ужасно дорогая!“

„Пустяки, нѣтъ такой вещи, которая была бы слишкомъ хороша для тебя“.

Они окончили обѣдъ, разговаривая о самыхъ обыденныхъ вещахъ.

Было достойно удивленія, съ какой легкостью уста Гранта говорили самыя банальныя фразы въ то время, какъ мозгъ работалъ съ ужасной быстротой.

Отъ времени до времени какъ бы какая-то сила направляла его взоръ къ часамъ.

„Я долженъ идти“, сказалъ Грантъ съ внѣшней неохотой. „Джорденъ милый малый, мнѣ не хотѣлось бы его обидѣть“.

По своему обыкновенію Ирина побѣжала въ переднюю за его пальто и шляпой. Воспользовавшись этимъ моментомъ, онъ быстро перевелъ столовые часы на полчаса назадъ. Собираясь уже уходить, Грантъ замѣтилъ, что ему нуженъ чистый носовой платокъ и поспѣшно направился въ спальню. Тамъ онъ взялъ изъ комода платокъ, быстро перевелъ также на полчаса назадъ стоявшій на ночномъ столикѣ будильникъ и затѣмъ вернулся въ столовую, замѣтнымъ жестомъ засовывая платокъ въ карманъ.

„Не оставайся долго“, сказала Ирина, подставляя губы для обычнаго поцѣлуя. Коснувшись ихъ, Грантъ вспомнилъ поцѣлуй Гуды.

II.

Время играло теперь большую роль для Гранта. Звоня у дверей холостой квартиры Джордена, онъ убѣдился, что часы показываютъ безъ 10 минутъ восемь, дома же въ это время на обоихъ часахъ должно быть лишь 20 мин. восьмого. Такъ какъ Ирина отдала въ починку свои часы—браслетъ, то единственными, по которымъ она могла опредѣлить время, были часы въ столовой и спальнѣ. Такимъ образомъ, замѣтить, что часы переставлены, она не могла, тѣмъ болѣе, что телефонный звонокъ во время обѣда привелъ ее въ замѣшательство.

Джорденъ встрѣтилъ Гранта съ видимымъ удовольствіемъ. Во время ихъ дѣловыхъ сношеній онъ былъ нѣсколько разъ

полезенъ Гранту. Это была одна изъ причинъ, хотя и не главная, почему Грантъ поспѣтилъ его въ этотъ вечеръ.

„Какъ дѣла?“ весело спросилъ Грантъ, садясь.

„Не особенно хороши“, жалобно отозвался Джорденъ, прижимая руку къ лѣвой сторонѣ груди. „Сердце плохо. Докторъ поддерживаетъ во мнѣ жизнь возбуждающими средствами. Я могу свалиться въ любой моментъ“.

„Пустяки“, возразилъ Грантъ. „Люди, страдающіе сердцемъ, часто доживаютъ до глубокой старости“.

Джорденъ уныло покачалъ головой, но, по привычкѣ хроническихъ больныхъ, по видимому, нашель нѣкоторое утѣшеніе въ словахъ гостя.

Грантъ очень обрадовался, когда Джорденъ прекратилъ разговоръ о своей болѣзни и пошелъ въ спальню за бутылкой вина. Оставшись одинъ, Грантъ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Остановившись у прикрытаго окна, онъ устремилъ свой взглядъ на большое зданіе на сосѣдней улицѣ: въ этомъ домѣ находилось ателье Блэра. Было странно, что оно не было освѣщено. Между тѣмъ, художникъ долженъ былъ быть дома, ожидая звонка Ирины, обѣщавшей ему позвонить въ половинѣ девятаго. Сердце Гранта радостно забилося. Если бы Блэра не было дома, всё его подозрѣнія рушились. Открывъ окно, онъ выглянулъ и ясно увидѣлъ свѣтъ, исходящій изъ ателье: оказалось, что онъ смотрѣлъ не въ ту сторону. Тяжело вздохнувъ, онъ отошелъ отъ окна какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Джорденъ входилъ съ бутылкой и стаканами.

Грантъ пилъ мало. Онъ съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что Джорденъ залпомъ выпилъ свой стаканъ и вновь его наполнилъ.

„На твоёмъ мѣстѣ я былъ бы осторожнѣе, Джорденъ. Человѣкъ съ слабымъ сердцемъ не долженъ пить много виски“.

Джорденъ засмѣялся, проглотилъ второй стаканъ и налилъ себѣ третій:

„Мой докторъ говоритъ тоже самое, но я не думаю, чтобы онъ много понималъ въ этомъ. Страданія хуже болѣзни, послѣ же нѣсколькихъ стакановъ мрачныя мысли исчезаютъ... Выпьешь еще?“

Грантъ отказался и вскорѣ сталъ прощаться. Собираясь уходить, онъ посмотрѣлъ на часы:

„Я обѣщала женѣ вернуться пораньше.

Ахъ, Боже мой, я, вѣроятно, забылъ завести часы, т. к. они стоятъ“, солгалъ онъ. „Который теперь часъ, Джорденъ?“

„Безъ 10 минутъ девять“.

„О, только безъ десяти девять, я думалъ, что позже. У тебя вѣрные часы?“

Джорденъ еще разъ посмотрѣлъ на часы, и Грантъ съ удовлетвореніемъ констатировалъ, что голова пріятеля, несмотря на выпитое количество виски, была ясна.

„Безъ 10 минутъ девять“, повторилъ Джорденъ.

При этомъ Грантъ для видимости поставилъ и завелъ свои часы.

„Я не понимаю, почему ты уходишь такъ рано?“

„Я обѣщала женѣ быть дома въ девять“. Грантъ сдѣлалъ удареніе на словѣ „девять“.

„И у меня осталось лишь 10 минутъ, чтобы дойти до дому. Спокойной ночи, дружище. Я увѣренъ, что ты скоро будешь себя чувствовать лучше“. Разставаясь съ Джорденомъ, Грантъ былъ увѣренъ, что пріятель не забудетъ время его ухода, т. е. безъ 10 минутъ девять. Дома же часы должны показывать лишь 20 минутъ девятаго. За тѣ полчаса, на которыя онъ переставилъ ихъ назадъ, должно было случиться важное событіе.

III.

Сердце Гранта сильно билось, когда онъ поднимался къ Блэру.

„Здравствуйте, мистеръ Блэръ!“ сказалъ онъ. „Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ моего вторженія?“

На минуту Блэръ смутился.

Блэръ былъ стройный, средняго роста, человѣкъ съ тонкими, красивыми чертами лица.

Ателье его было просторной комнатой. Оно соединялось дверью съ жилыми комнатами художника. Около этой двери стоялъ столъ, и на немъ телефонъ. Беря предложенную сигару, Грантъ покосился на телефонъ. Пока онъ закуривалъ, Блэръ, отойдя въ сторону, повернулъ къ стѣнѣ мольбертъ. Это движеніе не укрылось отъ вниманія Гранта.

„Я только на минуту“, пробормоталъ онъ, смотря на часы. Было безъ 2-хъ минутъ девять. Черезъ 2 минуты часы дома покажутъ половина 9-го,— время, въ которое Ирина обѣщала телефонировать Блэру.

„Я только что былъ у Джордена, вѣдь вы знакомы съ нимъ?“

Художникъ, подумавъ, покачалъ отрицательно головой. Повидимому, онъ чувствовалъ себя спокойнѣе, точно повернутый мольбертъ могъ этому способствовать.

„Джорденъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей“, продолжалъ Грантъ. „Онъ всегда былъ немного тщеславенъ и теперь рѣшилъ заказать свой портретъ. Я рекомендовалъ ему васъ“.

„Я очень вамъ благодаренъ“, холодно сказалъ художникъ, поглядывая съ безпокойствомъ на телефонъ.

Грантъ рѣшилъ, что понялъ причину этого безпокойства. Художникъ удивлялся, почему Ирина не позвонила ему въ 8^{1/2} ч., какъ обѣщала. Онъ, конечно, не могъ знать, что причина кроется въ переводѣ часовъ на ¹/₂ часа назадъ.

„Я право не знаю, что отвѣтить вамъ“, нерѣшительно сказалъ Блэръ. „Попросите Джордена зайти ко мнѣ завтра въ 3 часа. У меня правило не принимать заказовъ, не видѣвши лицо заказчика“.

Грантъ отвернулся, чтобы скрыть искривившую его губы злорадную улыбку: въ завтра Блэръ будетъ мертвъ. Прищуривъ глаза, Грантъ взглянулъ на малайскій кинжалъ висѣвшій на стѣнѣ въ числѣ другихъ украшеній. Надежность его острія была замѣчена Грантомъ уже во время его прежнихъ посѣщеній Блэра.

„Значить рѣшено“, замѣтилъ художникъ, желая, повидимому, закончить разговоръ и съ нетерпѣніемъ ожидая ухода посѣтителя. Но Грантъ не спѣшилъ уходить. По часамъ дома уже должно быть 1 или 2 минуты послѣ назначеннаго Ириной времени. Въ отличіе отъ большинства женщинъ, Ирина была пунктуальна даже въ мелочахъ.

„Какая у васъ большая коллекція“, сказалъ онъ, симулируя интересъ къ висѣвшимъ на стѣнѣ, рядомъ съ кинжаломъ, вещамъ. Водарилось неловкое молчаніе.

Вдругъ раздался звонокъ телефона. Грантъ обернулся и, замѣтивъ нерѣшительность Блэра, небрежно замѣтилъ ему:

„О, не обращайтесь на меня вниманія!“

Блэръ, однако, медлилъ и Грантъ представилъ себѣ, какъ внутренне проклинаетъ его художникъ. Затѣмъ, пожавъ плечами, Блэръ повернулся на каблукъ и быстро подошелъ къ телефону.

„Алло“, сказалъ онъ пониженнымъ голосомъ.

Грантъ посмотрѣлъ черезъ плечо на художника, стоявшаго къ нему спиной.

Желанный моментъ наступилъ! Въ вискахъ застучало, кровь огненнымъ потокомъ бѣжала по жиламъ. Когда Грантъ схватилъ со стѣны малайскій кинжалъ, у него потемнѣло въ глазахъ, а фигура Блэра казалась какимъ-то пятномъ. Мощнымъ усиленіемъ воли онъ вернулъ себѣ спокойствіе. Приблизившись кошачьимъ движеніемъ къ Блэру и невольно взглянувъ на висѣвшее противъ художника зеркало, Грантъ едва узналъ себя.

„Да“, говорилъ Блэръ, „мнѣ нужно было кое-что сказать вамъ, но... не могли бы вы зайти ко мнѣ завтра въ 11 ч. утра, мы можемъ тогда поговорить“. Едва успѣлъ Блэръ окончить фразу, какъ Грантъ сдѣлалъ прыжокъ впередъ. Бѣшено захохотавъ, онъ поднялъ руку и вонзилъ кин-

Кино-артистка Осси Освальда.

жалъ въ затылокъ Блэра. Нѣсколько мгновений Грантъ стоялъ неподвижно, чувствуя звонъ въ ушахъ, сквозь который онъ слышалъ пронзительный крикъ упавшаго на полъ Блэра. Глядя на распростертое тѣло, Грантъ стряхнулъ съ себя оцѣпенѣніе и сразу успокоился.

Онъ былъ увѣренъ, что Ирина услышала этотъ крикъ и шумъ падающаго тѣла, и представлялъ себѣ ея смятеніе и ужасъ. Будучи уже въ состояніи рассуждать, онъ вынулъ носовой платокъ и тщательно оттеръ имъ кинжалъ, чтобы удалить слѣды своихъ пальцевъ. Затѣмъ, машинально вынулъ часы и съ удивленіемъ обнаружилъ что было лишь 10 мин. десятого. Всего 5 минутъ прошло, какъ звонилъ телефонъ, а казалось, что онъ прожилъ цѣлую жизнь

и вступилъ въ новую. Онъ вспомнилъ, что дома на часахъ всего безъ 20 м. девять. Несомнѣнно Ирина покажетъ на слѣдствіи, что убійство произошло между половина и безъ двадцати пяти минутъ девять. Ея показаніе, вѣроятно, будетъ рѣшающимъ при выясненіи времени убійства. Съ одинаковой увѣренностью и еще большей точностью Джорденъ подтвердитъ, что онъ оставался до безъ 10 мин. девять. Иными словами можно будетъ легко доказать, что онъ покинулъ квартиру Джордена лишь 15 мин. спустя послѣ того, какъ, по показанію Ирины, было совершено убійство. Лучшаго alibi трудно было придумать.

IV.

Полчаса спустя, Грантъ вошелъ въ свою квартиру. Ирина, блѣдная и дрожащая, съ особымъ выраженіемъ въ глазахъ, придававшимъ трагическій характеръ ея красотѣ, выбѣжала на встрѣчу, когда онъ открывалъ дверь.

„Гдѣ ты былъ?“ спросила она со страхомъ въ голосѣ.

Грантъ взглянулъ на нее, какъ бы пораженный ея тономъ и манерой.

„Какъ, ты вѣдь знаешь, что я пошелъ навѣстить Джордена“, спокойно возразилъ онъ. „Но съ тобой что-то случилось, Ирина, ты блѣдна, какъ привидѣніе, и вся дрожишь?“

Продолжая дрожать, она посмотрѣла на него широко открытыми, отражавшими ужасъ глазами.

„Скажи мнѣ, что случилось?“ спросилъ онъ, съ ласковой настойчивостью усаживая ее на стулъ.

„Нѣчто ужасное. Я боюсь, что Терстенъ Блэръ убитъ. О, этотъ крикъ!“ Она наклонилась впередъ, вперивъ взоръ въ пространство, точно ее мучило какое-то ужасное воспоминаніе.

„Ты видѣ себя, я пойду за докторомъ“.

„Нѣтъ, нѣтъ я совершенно здорова, я только ужасно взволновалась!“

Онъ съ серьезнымъ видомъ покачалъ головой, затѣмъ всталъ и вышелъ. Въ спальнѣ онъ перевелъ будильникъ уже на точное время.

Затѣмъ пошелъ въ ванную, и, взявъ съ полки флаконъ, налилъ въ стаканъ успокаивающее средство. Держа въ рукѣ стаканъ, онъ вернулся къ Иринѣ.

„Выпей это, дорогая, и потомъ постройся мнѣ рассказать, что случилось съ Блэрромъ“.

Дрожащей рукой она взяла стаканъ и, сдѣлавъ нѣсколько глотковъ, немного успокоилась.

„Я говорила съ Блэрромъ по телефону“... При этомъ Ирина остановилась и, видимо, сконфузилась.

Грантъ изобразилъ удивленіе:

„Я не зналъ, что ты такъ дружна съ Блэрромъ“.

„Никакой дружбы между нами не было, просто дѣловое знакомство. О, Джонъ, какъ я жалѣю теперь, что я скрыла это отъ тебя, но я хотѣла сдѣлать тебѣ сюрпризъ, о которомъ я, какъ ты помнишь, предупреждала тебя за обѣдомъ“.

„Да, и очень удивила меня этимъ“. Отвернувшись, Грантъ насмѣшливо улыбнулся. Ему было интересно, какой предлогъ выдумаетъ жена, чтобы объяснить свой разговоръ съ Блэрромъ по телефону.

„Помнишь, Джонъ, когда мы только поженились, ты часто говорилъ, что хотѣлъ бы имѣть мой портретъ. Я и подумала, что будетъ приятнымъ сюрпризомъ для тебя, если я подарю тебѣ его къ твоему рожденію. Я скопила немного денегъ изъ тѣхъ, что ты даешь мнѣ на хозяйство и Блэръ согласился за умѣренную плату написать мой портретъ. За послѣднія двѣ недѣли я позировала ему ежедневно“.

„Я понимаю, продолжай, милая!“ мягко сказалъ Грантъ.

„Сегодня вечеромъ, когда мы обѣдали, Блэръ позвонилъ мнѣ. Я узнала, что портретъ не совсемъ удаченъ и нуждается въ нѣкоторыхъ исправленіяхъ. Я прервала разговоръ о портретѣ, опасаясь что ты услышишь. Это, вѣдь, могло испортить мой сюрпризъ. Поэтому я обѣщала позвонить въ половинѣ девятаго, зная, что въ это время тебя не будетъ дома. То, что я говорила о мис-исъ Стевенсъ было просто выдумкой“.

„Выдумка, шитая бѣлыми нитками“, подумалъ Грантъ и сказалъ:

„Если дѣло обстоитъ такъ, какъ ты говоришь, то въ этомъ нѣтъ ничего плохого. Итакъ въ половинѣ девятаго ты позвонила Блэру?“

„Да!“ По ней пробѣжала дрожь, доказывавшая насколько мучительно было для нея это воспоминаніе. „Мы успѣли сказать лишь нѣсколько словъ, какъ я услышала грохотъ и ужасающій крикъ. Нѣсколько минутъ я простояла въ оцѣпенѣніи, ничего не понимая. Затѣмъ я, какъ сумасшедшая, начала ударять по вилкѣ аппарата, но

Кино-артистка Лиа де-Путти.

отвѣта не было. Тогда я поняла, что съ Блэрѣмъ случилось нѣчто ужасное во время разговора со мной. Вѣроятно, на него кто-нибудь напалъ, а воцарившаяся затѣмъ тишина могла лишь обозначать, что Блэръ убитъ. Какъ только я была въ состояніи опять разсуждать, я позвонила въ полицію“.

„Что ты сдѣлала?“ невольно воскликнула Грантъ.

„Я позвонила въ полицію и попросила послать кого-нибудь на квартиру Блэра. Вѣдь это было единственно правильнымъ, что я могла сдѣлать, неправда-ли?“

„Конечно“, согласился Грантъ, внутренне проклиная Ирину. „Когда же ты позвонила въ полицію?“

Въ своемъ волненіи она даже не замѣ-

тила странность этого вопроса. Подумавъ немного, она сказала:

„Право не знаю. Я была такъ взволнована, что мнѣ не пришло сразу на умъ извѣстить полицію. Я думаю, что прошло минутъ 10—15“.

„Или даже 20“, сказалъ про себя Грантъ.

„О, Джонъ—, простонала она,—это было ужасно, я все еще слышу этотъ страшный крикъ!“

Грантъ успокаивающе погладилъ ее по головѣ и съ большимъ лихъ усиліемъ удержался отъ смѣха. Рыданія Ирины являлись для него наградой за тѣ страданія, которыя она ему причинила.

„Ну, можетъ быть, все не такъ страшно, Ирина, какъ ты себя представляешь.“

Возможно, что Блэръ чего-нибудь испугался, или съ нимъ случился какой-нибудь припадокъ. Конечно,—ты взволновалась. Но постарайся взять себя въ руки, пока мы узнаемъ въ чемъ дѣло. Въ концѣ концовъ Блэръ не былъ ни нашимъ родственникомъ, ни другомъ“.

„Конечно нѣтъ, но все-же, если съ нимъ что-нибудь случилось, я буду себя чувствовать до нѣкоторой степени виновной, т. к. это произошло во время разговора со мной по телефону. Джонъ, не позвонишь ли ты въ ателье Блэра. Полиція должна быть уже тамъ. Спроси, что случилось?“

Джонъ неохотно вышелъ изъ комнаты и, зайдя въ столовую, перевелъ тамъ часы. Вернувшись послѣ короткаго телефоннаго разговора, онъ ничего не сказалъ, но по серьезному выраженію, которое онъ придалъ своему лицу, Ирина догадалась, что ея опасенія оправдались.

„Во всякомъ случаѣ,—произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія,—хорошо, что ты въ моментъ убійства говорила съ Блэромъ по телефону, т. к. ты можешь установить время этого прискорбнаго событія и тѣмъ облегчить поиски убійцы. Ты говоришь, что это было въ половинѣ девятаго?“

Ирина подняла голову и задумчиво устремила взоръ передъ собой:

„Часы въ столовой пробили половина девятаго, когда я подошла къ телефону. Меня не соединили немедленно, и, вѣроятно, прошло минуты двѣ-три, пока я услышала крикъ“.

Джонъ съ удовлетвореніемъ кивнулъ головой.

„Значитъ это произошло между 8 ч. 30 м. и 8 ч. 35 м.“ При этомъ онъ скрылъ рукой улыбку.

Ирина подняла голову и такъ вопрошающе на него посмотрѣла, что внезапный холодъ пробѣжалъ по его тѣлу.

„Что съ тобой Ирина?“

„Ничего... Я только хотѣла бы знать“... Она остановилась, и глаза ея стали еще шире. „Мнѣ казалось, что ты улыбался, когда я взглянула на тебя. Вѣроятно, я ошиблась?“

„Конечно, ты ошиблась, дорогая“.

Воцарилось неловкое молчаніе.

„Джонъ“, сказала, наконецъ, Ирина, „изъ дома ты прямо пошелъ къ Джордену?“

„Да, насколько помню“, небрежно замѣтилъ онъ, не желая отвѣчать слишкомъ утвердительно. „Впрочемъ, сперва я, кажет-

ся, пошелъ купить папиросы. Но почему ты объ этомъ спрашиваешь?“

Ирина отвѣтила не тотчасъ, все еще продолжая испытующе смотрѣть на мужа.

„А когда ты ушелъ отъ Джордена?“

Грантъ разсмѣялся, видимо забавляясь ея вопросами.

„Что за допросъ? Вѣроятно это было около 9. У меня разболѣлась голова и поэтому я немного прошелся“.

„Ты увѣренъ, что было около 9, когда ты ушелъ отъ Джордена?“

„Около того, насколько я помню“. Онъ остановился, точно вспоминая что-то. „Впрочемъ я могу вполне удовлетворить твое странное любопытство. Когда я уходилъ, то замѣтилъ, что мои часы остановились, и спросилъ Джордена который часъ, онъ отвѣтилъ, что было безъ 10 минутъ девять. Если ты желаешь убѣдиться, позвони Джордену“.

„Ты ушелъ отъ Джордена въ 8 ч. 50 м., Блэръ былъ убитъ между 8 ч. 30 м. и 8 ч. 35 м., слѣдовательно онъ былъ мертвъ уже по крайней мѣрѣ, 15 минутъ, когда ты уходилъ отъ Джордена“...

„Но, Ирина“, вскричалъ онъ, видимо пораженный. „Ужъ не думаешь ли ты, что я“... Тутъ онъ остановился, пристально смотря на нее, точно пришедшая ему мысль была настолько несуразна, что ее нельзя было выговорить.

„Нѣтъ, я только удивилась. Сейчасъ ты такъ странно выглядѣлъ, что у меня мелькнула ужасная мысль. Это было глупое подозрѣніе, Джонъ. Если ты былъ у Джордена до 8 ч. 50 м., ты не могъ этого сдѣлать, даже если“...

Грантъ остановилъ ее движеніемъ руки.

„Ты говоришь такъ, точно я нуждаюсь въ установленіи своего alibi“, сказалъ онъ съ мягкимъ укоромъ. „Развѣ ты не сочла бы меня невиновнымъ даже въ томъ случаѣ, если бы я не былъ у Джордена, когда случилось убійство?“

„Конечно, дорогой, я знаю, что ты не могъ совершить этаго ужаснаго поступка. Прости. Мои мысли всѣ спутались“.

Грантъ былъ какъ въ жару. Онъ успокаивающе положилъ руку на плечо жены:

„Ты немного истерична. Въ такомъ состояніи всякій человѣкъ способенъ высказать самыя дикія предположенія. Ложись скорѣе спать и забудь все, а утромъ“...

Его прервалъ рѣзкій, полный ужаса крикъ Ирины.

Взглянувъ на жену, Грантъ увидѣлъ, что лицо ея искажилось страхомъ.

„На твоей манжетѣ красное пятно, Джонъ“, сказала Ирина, ставъ вдругъ совершенно спокойной. „Откуда оно?“

V.

Помертвѣвъ, Грантъ смотрѣлъ на жену и чувствовалъ, что вся краска сбѣгаетъ съ его лица. Прошло нѣсколько мгновений, пока онъ рѣшился посмотреть по направлению протянутой руки. На лѣвой манжетѣ у самаго края было большое красное пятно.

„Скажи, скажи же что-нибудь, Джонъ! Мнѣ кажется, что я схожу съума!“

Эти слова вывели его изъ оцѣпенѣнія.

„Иди спать, Ирина, я принесу тебѣ спиторнаго. Ты будешь чувствовать себя лучше, отдохнувъ за ночь“.

„Но, пятно, Джонъ?“

„Что тебѣ далось это пятно? Я, вѣроятно, задѣлъ за что-нибудь свѣже-выкрашенное. А теперь выбрось изъ головы эти вздорныя мысли“. Онъ остановился, т. к., раздавался стукъ въ дверь. Ирина повернулась. Оба замолчали, и черезъ минуту стукъ повторился. Быстрыми шагами Грантъ приблизился къ двери и широко открылъ ее. Передъ нимъ стоялъ стройный человѣкъ, съ тонкими чертами лица.

„Я Аткей, полицейскій сыщикъ“, заявилъ незнакомецъ. „Могу ли я войти? Я пришелъ изъ ателье мистера Блэра. Мнѣ было бы желательно задать нѣсколько вопросовъ мис-исъ Грантъ“.

„Моей женѣ нездоровится“, строго сказалъ Грантъ.

„Я понимаю“, отвѣтилъ Аткей. „Ваша супруга должна была взволноваться, услышавъ крикъ во время своего разговора по телефону. Меня послали сюда узнать, можетъ ли она дать какія-нибудь показанія“.

Только Грантъ собрался протестовать, какъ Ирина выразила желаніе говорить съ сыщикомъ.

Грантъ слѣдилъ за вопросами Аткея и отвѣтами жены. Кромѣ окончательнаго опредѣленія времени, Ирина не могла ничего новаго прибавить къ тому, что уже было сказано ею. Аткей сдѣлалъ нѣсколько замѣтокъ въ записной книжкѣ и затѣмъ обратился къ Гранту съ незначительными вопросами. Послѣдній не упустилъ случая осторожно упомянуть, что онъ пробылъ у Джордена до 8 ч. 50 м.

Кино-артистка Миа Май.

(Въ скоромъ времени съ ея участіемъ въ театрѣ „Пассажъ“ пойдетъ картина — „Графиня Парижа“ или „Трагедія любви“).

Грантъ облегченно вздохнулъ, когда Аткей, поблагодаривъ, собрался уходить. Однако, не дойдя до двери, сыщикъ вернулся.

„Мнѣ желательно установить еще одинъ фактъ. Могу ли я видѣть ваши часы?“

„Конечно“, сказалъ Грантъ, успокаиваясь. Было вполне естественно, что сыщикъ интересовался его часами, если принять во вниманіе какую важную роль играло время для открытія убійцы. Грантъ показалъ ему часы въ столовой и спальнѣ. Сыщикъ сравнилъ ихъ со своими собственными.

„Ваши часы идутъ совершенно вѣрно“, сказалъ онъ и попрощался.

„Слава Богу это окончилось. Вѣроятно, Аткей отправится отсюда прямо къ Джордену, котораго онъ разбудитъ и заставитъ подтвердить мои слова“, подумалъ Грантъ и затѣмъ, обращаясь къ женѣ, спросилъ:

„Ты чувствуешь теперь себя лучше, дорогая?“

„Я очень устала“ отвѣтила Ирина, избѣгая встрѣчаться съ нимъ взглядомъ. „Спокойной, ночи, Джонъ“. Когда дверь закрылась за ней, Грантъ тихо разсмѣялся.

„Она подозрѣваетъ“, пробормоталъ онъ. „Ну и пусть. Невозможность предпринять что-либо противъ убійцы ея любовника заставить ее еще больше страдать“. Выраженіе злорадства сбѣжало съ лица Гранта, когда онъ вспомнилъ о пятнѣ. Прежде всего нужно уничтожить его. Размышляя, какъ это сдѣлать, онъ поднялъ руку и вдругъ изъ его груди вырвался стонъ. На ладони было тоже красное пятно. Чтобы успокоится, онъ подошелъ къ шкафчику и выпилъ немного виски. Затѣмъ, неслышными шагами онъ вышелъ въ кухню, зажегъ огонь, спустилъ жалюзи, снялъ сюртукъ, жилетъ и рубаху. Усиленнымъ треніемъ щеткой, мыломъ и горячей водой онъ смылъ пятно съ своей ладони. Удалить же пятно съ манжеты оказалось дѣломъ не легкимъ, т. к. краска настолько вѣлась въ полотно, что никакъ нельзя было избавиться окончательно отъ ея слѣдовъ. Оставался одинъ лишь вѣрный выходъ:— это уничтожить манжету, но т. к. сорочка съ одной манжетой могла показаться странной, то Грантъ рѣшилъ сжечь ее цѣликомъ.

По окончаніи операціи, онъ выбросилъ золу въ кранъ и смылъ водою. Наконецъ, важная улика была уничтожена. Чтобы удалить изъ кухни чадъ, Грантъ открылъ окно, выходившее на запасную, на случай пожара, лѣстницу и чуть не вскрикнулъ. На лѣстницѣ стояла какая то фигура. Это былъ сыщикъ Аткей.

VI.

Сыщикъ ловко впрыгнулъ въ комнату. Втянувъ въ себя насыщенный дымомъ воздухъ, онъ съ поднятыми отъ удивленія бровями взглянулъ на Гранта.

„Что это вы здѣсь сжигали?“ шутливо спросилъ онъ.

„Я сжегъ нѣсколько... нѣсколько старыхъ писемъ“, отвѣтилъ Грантъ, чувствуя себя, будучи полуодѣтымъ, не въ своей тарелкѣ.

„Хмъ! Письма. Ихъ должно быть не менѣе тонны. „Она“,—ваша корреспондентка, употребляетъ дорогой сортъ бумаги. Не правда-ли?“

„Я ничего о „ней“ не говорилъ“, возразилъ Грантъ, дѣлая видъ, что обидѣлся на шутку сыщика.

„И не надо! Если мужчина въ часъ ночи сжигаетъ письма, пользуясь сномъ жены, то это иначе объяснить нельзя“, онъ засмѣялся. „Между прочимъ, мистеръ Грантъ, я только-что былъ на квартирѣ Джордена“.

„Да?“ подхватилъ Грантъ, стараясь придать себѣ не очень заинтересованный видъ. У него зарождалось подозрѣніе, что Аткей только дѣлалъ видъ, что повѣрилъ его лжи. Впрочемъ, теперь, когда пятно было уничтожено, это не играло роли. Онъ всегда можетъ доказать свое alibi. Но почему вернулся Аткей и такимъ страннымъ образомъ проникъ къ нему?“

„Я былъ на квартирѣ Джордена, чтобы провѣрить ваше показаніе о времени, въ какое вы оттуда вышли“, объяснилъ сыщикъ.

„Провѣрить?!“ Грантъ симулировалъ негодованіе. „Вы сомнѣвались въ моихъ словахъ?“

„Да, знаете, люди иногда ошибаются. Съ убійствомъ что-то не все ясно. Вы можете считать себя счастливымъ, что ваша супруга была въ состояніи точно опредѣлить время убійства“.

„Счастливъ?! Почему?“

„Потому что, благодаря этому, ваше alibi неоспоримо. Не такъ ли?“

Грантъ выпрямился съ гордымъ видомъ. „Alibi“, мнѣ даже въ голову не приходило серьезно обсуждать это. Только преступники разсуждаютъ объ alibi. Вы не можете меня заподозрить, что я играю какую-то роль въ убійствѣ Блэра!“

Аткей повернулся нѣсколько разъ на каблукахъ и опять втянулъ въ себя воздухъ.

„Эти письма должны были вызвать цѣлое пламя. Съ какихъ поръ, между прочимъ, вамъ стало извѣстно, что Блэръ пишетъ портретъ вашей жены?“

Прежде чѣмъ отвѣтить, Грантъ испытующе взглянулъ на сыщика. Онъ чувствовалъ, что долженъ былъ ступить на опасный путь.

„Моя жена говорила объ этомъ со мной еще до того, какъ начала позировать“, осторожно началъ онъ. „Это было, вѣроятно, недѣли 2—3 тому назадъ“. Едва онъ кончилъ, какъ его охватилъ ужасъ. Губы сыщика сложились въ едва замѣтную, неопытную улыбку.

„Странно“, сказалъ онъ. „Дѣло въ томъ, что, когда я въ первый разъ пришелъ сюда, 1½ часа тому назадъ, я прежде, чѣмъ

Кино-артистка Люси Дорень.

позвонить, немного подождать передъ дверью. Женщины, когда онъ взволнованъ, очень часто повышаютъ голосъ, сами того не замѣчая. Не кидайте на меня такихъ мрачныхъ взглядовъ, это моя обязанность стараться узнать все, что только возможно. И вотъ я слышалъ, какъ ваша супруга рассказывала про заказанный ею у Блэра портретъ, которымъ она хотѣла сдѣлать вамъ сюрпризъ ко дню вашего рожденія. Я не понимаю, для чего она сообщала вамъ то, что вы знали?“

Грантъ съежился подъ пристальнымъ взглядомъ сыщика. Онъ былъ уличенъ во лжи.

„На что вы намекаете?“ спросилъ Грантъ.

„Да, если ваша жена позировала Блэру безъ вашего вѣдома, и вы случайно узнали, что она посѣщаетъ его,—вы могли сдѣлать невѣрные выводы. Всегда можно придти къ определенному заключенію при такомъ положеніи вещей“.

„Къ какому?“

„Конечно къ заключенію, свойственному ревнивымъ людямъ. А вы чрезвычайно ревнивы, мистеръ Грантъ. Будучи довольно хорошимъ фیزیономистомъ, я узналъ это, какъ только васъ впервые увидѣлъ. Я ни въ чемъ не подозреваю вашу супругу или Блэра, т. к. мнѣ извѣстно, что онъ былъ женихомъ миссъ Анны Бриантъ, которую вы, вѣроятно, хорошо знаете. Вѣдь она лучшая подруга вашей жены“.

При этихъ словахъ Грантъ покачнулся, точно его ударили. Затѣмъ, онъ сразу вспомнилъ, что Ирина, видимо, была болѣе взволнована, чѣмъ опечалена. Какъ теперь онъ ясно понималъ, въ ней преобладалъ ужасъ, а не глубокое чувство горя отъ понесенной утраты. Что, если онъ... Грантъ быстро отогналъ эту мысль. Самое важное это—собственная безопасность, а ей пока ничего не угрожало. Онъ былъ увѣренъ, что Аткей не пошатнетъ его alibi. Снова онъ радовался своему искусству и осторожности, съ которыми было обставлено дѣло и уничтожена улика—пятно.

„Вы можете ничего не говорить“, продолжалъ Аткей. „Я даже предупреждаю васъ, что каждое ваше слово можетъ быть направлено противъ васъ“.

„Мнѣ нечего скрывать!“ отвѣтилъ Грантъ, искусственно улыбаясь.

„Вамъ знакома эта вещь, мистеръ Грантъ“. Аткей протянулъ руку, и Грантъ сильно вздрогнулъ, увидя небольшой золотой карандашъ: у него былъ такой же, и онъ часто выпадалъ изъ его кармана.

„Никогда его не видѣлъ“, отвѣтилъ на всякій случай Грантъ. „Это не моя вещь!“ Аткей улыбнулся, и Грантъ тотчасъ понялъ, что попался, хотя и не зналъ на чемъ. Съ сухимъ смѣшкомъ Аткей повернулся къ стулу, на которомъ лежали сюртукъ и жилетъ Гранта, и вложилъ карандашъ въ наружный карманъ.

„Это была проба, мистеръ Грантъ“, объяснилъ онъ. „Я увидѣлъ карандашъ, торчащимъ изъ вашего кармана, и не могъ устоять противъ искушенія испытать васъ. Почему вы отрицаете такъ настойчиво, что онъ принадлежитъ вамъ? Развѣ вы боялись, что уронили его въ ателье Блэра?“

Грантъ хотѣлъ говорить, но не могъ.

„Видѣли ли вы когда-нибудь малайскій кинжалъ, мистеръ Грантъ?“ продолжалъ вести свою линію Аткей.

„Я... я... думаю, что видѣлъ его въ музее“.

„Вы никогда не держали его въ рукахъ?“

„Никогда!“

„Вы никогда не видѣли кинжала въ ателье Блэра?“

„Возможно, что и видѣлъ“, осторожно отвѣтилъ Грантъ. „Но, утверждать этого, я не могу. У Блэра я былъ всего разъ или два и у меня въ памяти сохранилась лишь свѣшшая тамъ на стѣнѣ коллекція рѣдкостей“. Онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на сыщика и думалъ, готовить ли тотъ ему

новую ловушку или нѣтъ. Однако ничего не случилось. Аткей весело улыбался. Эта улыбка очень непріятно дѣйствовала на Гранта.

„Не теряемъ ли мы время, мистеръ Аткей. Я вижу вашу цѣль, но вы забываете слѣдующее: если у меня была причина убить Блэра или если вы считаете меня способнымъ на такое дѣло, то какъ вы объясните то обстоятельство, что въ моментъ убійства я находился у Джордена?“

„Но были ли вы тамъ, мистеръ Грантъ?“

Грантъ въ отвѣтъ коротко разсмѣялся: „Вы сказали, что пришли отъ Джордена. Почему вы не спросили его?“

Сыщикъ пожалъ плечами:

„Вы отрицаете, что были въ ателье Блэра сегодня вечеромъ?“

„Совершенно опредѣленно отрицаю!“

„Вы отрицаете, что Блэръ предложилъ вамъ папиросу?“

Ужасная мысль мелькнула у Гранта: онъ помнилъ, что Блэръ предложилъ ему папиросу, но куда онъ ее дѣлъ? Онъ не могъ вспомнить, курилъ ли онъ у Блэра и закурилъ ли ее вообще? Не была ли это новая хитрость со стороны Аткея?

„Я не былъ сегодня у Блэра, и онъ поэтому не могъ предложить мнѣ папиросу“.

Аткей улыбнулся, и Грантъ понялъ, что опять попалъ впросакъ. Судорога схватила его горло, когда онъ увидѣлъ, что Аткей снова повернулся къ его сюртуку. Минуту онъ стоялъ спиной, а когда повернулся лицомъ, то держалъ въ рукѣ папиросу.

„Это „Дездемона“, турецкая папироса. Странно! Я видѣлъ коробку съ такими же папиросами въ ателье Блэра. Какъ вы объясните это, мистеръ Грантъ?“

Колѣни Гранта подогнулись. Несомнѣнно, онъ машинально сунулъ въ карманъ, предложенную Блэромъ папиросу. Онъ чувствовалъ, что его лицо становилось постепенно мертвенно-блѣднымъ.

„Блэръ не единственный человѣкъ, курившій эту марку“, сказалъ онъ и тотчасъ же сдѣлался спокойнѣе. Ему казалось, что онъ нашелъ удачное объясненіе.

„Совершенно вѣрно“, согласился Аткей. „Но вѣдь это не совсѣмъ обыкновенная марка. Правда, многіе должны курить ее, но какъ вы объясните, что въ вашемъ карманѣ оказалась папироса именно этой марки?“

„Вы развѣ не спросили Джордена, когда я ушелъ отъ него?“

„Къ этому я и веду рѣчь. Я намѣревался допросить Джордена, но, къ сожалѣнію, Джорденъ умеръ до моего прихода“.

„Умеръ?!“ повторилъ Грантъ глухимъ голосомъ.

„Да, я долженъ былъ войти насильственнымъ путемъ и нашелъ его мертвымъ въ постели. Онъ, очевидно, страдалъ болѣзною сердца и выпилъ слишкомъ много передъ тѣмъ, какъ лечь. Это разбиваетъ ваше alibi, не правдали ли?“

Грантъ ужаснулся и не могъ вымолвить ни слова. Со смертью Джордена все потеряно. Непредвидѣнное обстоятельство разрушило его блестящій планъ.

„Не принимайте это слишкомъ близко къ сердцу! — сказалъ Аткей. — Можетъ быть, ваше alibi можно будетъ еще восстановить. Посмотримъ. Я случайно знаю, что у Джордена сегодня вечеромъ былъ посѣтитель“...

Грантъ поднялъ голову съ выраженіемъ утопающаго, хватающагося за соломинку.

„Надъ Джорденомъ живетъ старый холостякъ, который иногда заходилъ къ нему, — продолжалъ сыщикъ. — Сегодня вечеромъ онъ слышалъ два голоса въ квартирѣ Джордена. Онъ заявилъ кромѣ того, что гость Джордена ушелъ въ 8 ч. 50 м. — 8 ч. 55 м. Вы ушли отъ Джордена около этого времени, неправда ли?“

„Да!“, съ живостью отвѣтилъ Грантъ. „Если бы Джорденъ былъ живъ, онъ подтвердилъ бы это“. „Къ сожалѣнію старикъ не видѣлъ посѣтителя или не слышалъ его голосъ настолько ясно, чтобы узнать его, а безъ этого его показаніе не поможетъ вамъ. Но есть еще способъ доказать, что у Джордена были именно вы. Не замѣтили ли вы у себя на одеждѣ или бѣльѣ краснаго пятна?“

Грантъ вздрогнулъ, затѣмъ невольно взглянулъ на кравъ, въ раковинѣ котораго исчезла зола его сорочки.

„Пятно?! — повторилъ онъ. — Что вы хотите этимъ сказать?“

„То, что я сказалъ, мистеръ Грантъ. Нѣтъ-ли на вашей одеждѣ краснаго пятна?“

„Какъ странно, конечно, нѣтъ! Откуда оно могло бы появиться?“

Едва замѣтная улыбка пробѣжала по губамъ сыщика.

„Прекрасно. Этотъ вопросъ, слѣдовательно, исчерпанъ. Повидимому, гость Джордена подходилъ къ окну и выглядывалъ изъ него, а т. к. стоявшая на окнѣ цвѣточная корзина была выкрашена въ ярко красный цвѣтъ“...

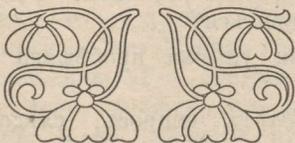
„Въ красный цвѣтъ?!“ воскликнулъ Грантъ.

„Да, въ красный... То на поверхности корзины я нашелъ слѣды, указывающіе, что кто-то недавно дотронулся до нея. Одинъ изъ нихъ былъ похожъ на оттискъ ладони, правда недостаточно ясный, чтобы можно было замѣтить отпечатокъ пальцевъ, — другой же производилъ впечатлѣніе, что нѣкто задѣлъ корзину рукавомъ или локтемъ. Эти слѣды долженъ былъ оставить посѣтитель Джордена, т. к. Джорденъ, несомнѣнно, зналъ, что корзина только-что выкрашена и не дотрагивался до нея... Это логично, не правда ли?“

Грантъ хотѣлъ говорить, но у него вырвалось только нѣсколько хриплыхъ звуковъ. Невольно онъ обратилъ взоръ на газовую плиту, гдѣ пламя уничтожило опасную, какъ онъ еще недавно думалъ, улику.

„Вы понимаете въ чемъ дѣло, мистеръ Грантъ? — сказалъ Аткей съ легкой пронойей — Какъ жаль, что на вашей одеждѣ нигдѣ не видно красныхъ пятенъ. Если бы онѣ были, я бы не сомнѣвался, что лицомъ, покинувшимъ Джордена незадолго до 9 часовъ, были именно вы. Во всякомъ случаѣ, вы могли бы легко установить свое alibi, а вы въ немъ нуждаетесь. Арестую васъ за убійство Терстенъ Влэра!“ Грантъ не пошевелился. Онъ стоялъ и все еще пристально смотрѣлъ на газовую плиту. Мысленно онъ видѣлъ красное пятно и уничтожающее его пламя. Онъ втянулъ насыщенный остатками дыма воздухъ, и лицо его передернулось. Его блестяще задуманное alibi, въ полномъ смыслѣ слова, унеслось, какъ дымъ.

Старый вальсъ.

Разсказъ А. Маккъ.

— Зачѣмъ играютъ этотъ старый вальсъ?!

Чопорный и строгій, онъ такъ не идетъ къ настоящему обществу ресторана, звону рюмокъ и стакановъ, оживленному разговору и открытому флирту крикливо разодрѣтыхъ дамъ.

— Что это за вальсъ? недоумѣваетъ публика.

— Зачѣмъ играютъ эту рухлядь?

— Его исполняли на ассамблеяхъ при Петрѣ.

— На брачномъ пиру Адама и Евы...

— Непонятный анахронизмъ!

За однимъ изъ отдѣльныхъ столиковъ, въ сторонкѣ, сидитъ скромно одѣтый посѣтитель, съ загорѣлымъ лицомъ и огрубѣвшими отъ физической работы руками. По его заказу исполняется этотъ старый вальсъ. Это онъ послалъ музыкантамъ заработанные тяжелымъ трудомъ полтора ста марокъ, съ запиской сыграть его. Послѣ долгаго отсутствія онъ прибылъ въ городъ съ лѣсныхъ заготовокъ, чтобы нѣсколько отдохнуть въ культурныхъ условіяхъ отъ грязи, сырости и насѣкомыхъ. И вотъ онъ задумчиво прислушивается къ звукамъ оркестра и подъ минорные аккорды стараго вальса передъ нимъ развертываются картины минушей молодости.

Онъ только-что выпущенъ изъ училища и считаетъ себя неотразимымъ въ бѣломъ кителѣ съ иголки и перетянутой таліей. Гремя саблей, онъ входитъ въ городской садъ, привлекая всеобщее вниманіе видомъ новичка: дамы его лорнируютъ, барышни шепчутся, военные снисходительно усмѣхаются.

На главной аллеѣ онъ встрѣчаетъ нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. Они поздравляютъ его съ производствомъ и непременно хотятъ его представить красивой брюнеткѣ въ бѣломъ костюмѣ, выгодно отдѣняющемъ смугловатость дѣвушки и массу темныхъ волосъ, собранныхъ въ пышный узелъ.

Какіе у нея чудные, каріе глаза! И вся она, вообще, такая свѣтлая, чистая, ясная... Какъ не похожа она на здѣсь въ ресторанѣ присутствующихъ женщинъ.

Они идутъ по аллеѣ. Онъ предлагаетъ ей руку и пытается начать разговоръ на тему о предстоящихъ зимнихъ развлеченияхъ. Она смотритъ ему въ глаза, ея маленькая ручка, въ бѣлой перчаткѣ, такъ довѣрчиво лежитъ на рукавѣ его кителя...

Видимо, пустая свѣтская болтовня не удовлетворяетъ дѣвушку и она хотѣла бы завести разговоръ на болѣе серьезныя темы. Юноша понимаетъ ее и начинаетъ говорить о литературѣ.

Тысяча проклятій чину младшаго офицера, обязаннаго отдавать честь старшимъ! Благодаря необходимости такого привѣта, юноша нѣсколько разъ теряетъ нить разговора... Да и на самомъ дѣлѣ, какъ говорить о Надсонѣ или Фетѣ, когда можетъ влетѣть отъ какого-нибудь капитана за невниманіе?!

И потомъ эти назойливые юнкера и кадеты! Они все время шмыгаютъ мимо и тянутся во фронтъ, несмотря на любезное:

— Пожалуйста, не безпокойтесь!.. Онъ предлагаетъ своей дамѣ перейти въ менѣе оживленную часть сада.

Она конфузится, заливаясь румянцемъ и, видимо, окончательно смуглившись, отказывается:

— Это не совсѣмъ удобно... Я такъ мало знаю васъ...

На счастье военный оркестръ заигралъ только-что вышедшій въ свѣтъ вальсъ. Грустно плачутъ о чемъ-то флейты и кларнеты, глухо рыдаютъ валторны, сдержаннымъ стономъ звучитъ мѣдъ аккомпанимента... И этотъ мотивъ полный скорби, страсти и затаенной мольбы помогаетъ офицеру: его дама согласна сѣсть на диванчикъ, неподалеку отъ оркестра.

Вокругъ озаренный луною паркъ, вдаль оживленная аллея съ пестрымъ

калейдоскопомъ гуляющихъ, и на отдаленномъ гулѣ голосовъ—рыданія мнорнаго вальса.

И подь его мелодичные переливы юноша говоритъ безъ умолку о томъ, какъ хороша ночь, какъ красивъ упоительный вальсъ... Ему хочется сказать сидящей съ нимъ рядомъ дѣвушкѣ также и о томъ, что онъ полюбилъ ее съ перваго взгляда, съ первой встрѣчи, но онъ боится, какъ бы она не обидѣлась и не ушла отъ него,—эта чудная дѣвушка, и только треплетъ кисть темляка.

А вальсъ звучитъ все сильнѣе и сильнѣе. Ярче и красочнѣе звенятъ серебрястые звуки трубы, страстно поютъ кларнеты, замерли въ сладкой истомѣ валторны, нѣжно перекликаются флейты, побѣдно гремятъ тромбоны...

Онъ беретъ руку собесѣдницы и подноситъ къ своимъ губамъ.

Она вздрагиваетъ...

— Я не люблю этого... Это меня стѣсняетъ!

Онъ смотритъ на ея вспыхнувшее и еще болѣе похорошѣвшее лицо и рѣшается, наконецъ, сказать...

— Ахъ, вотъ вы гдѣ? — раздается голосъ ихъ общаго знакомаго, прежде чѣмъ юноша успѣваетъ раскрыть ротъ:— А мы домой собрались и васъ по всему саду ищемъ.

Они присоединяются къ остальной компаніи. Вальсъ закончился отрывистымъ аккордомъ, вокругъ слышны разговоры о туалетахъ и погодѣ, пропало обаяніе дивной ночи и прелестнаго вальса.

* * *

Въ дворянскомъ собраніи былъ балъ въ пользу Краснаго Креста. Онъ пріѣхалъ послѣ концерта и вошелъ въ залъ при первыхъ звукахъ вальса... Что-то знакомое напомнилъ ему элегическій мотивъ... Это былъ входившій въ моду вальсъ, впервые слышанный имъ въ городскомъ саду.

Охваченный воспоминаніями о дивной ночи и своей бесѣдѣ съ красивой брюнеткой, стоялъ онъ у колонны, ничего не видя вокругъ... Голосъ его собесѣдницы, мягкій и чарующій, звучалъ у него въ ушахъ, свѣжестью августовской ночи пахнуло въ лицо...

Кто-то случайно задѣлъ его плечомъ и, выведя изъ забытья, заставилъ осмотрѣться вокругъ. Равнодушно скользнулъ онъ безучастнымъ взглядомъ по толпѣ и вдругъ увидѣлъ на диванѣ у стѣны ту, о которой онъ мечталъ.

Онъ подошелъ ближе, раскланялся. Ему отвѣтили привѣтливой улыбкой. Онъ подошелъ и пожалъ протянутую ему руку.

Вы разрѣшаете пригласить васъ на туръ вальса? — еле смогъ выговорить онъ.

Новая пара закружилась въ общемъ вихрѣ танцующихъ и юношѣ казалось, что въ залѣ стало еще свѣтлѣе, а мелодичный вальсъ звучитъ еще обаятельнѣе... Забылось настоящее, прошлое представлялось прекраснымъ, впереди грезилось свѣтлое будущее...

— Какой прелестный вальсъ, — прошептала дѣвушка послѣ перваго тура.

— Да, и какъ много напомнилъ онъ мнѣ, — какъ бы очнулся офицеръ. — Вечеръ въ саду, знакомство съ вами... Вы помните эту лунную ночь и старый паркъ, облитый голубымъ сіяніемъ?... Вы были во всемъ бѣломъ, такая чистая, свѣтлая, прекрасная... Мы сидѣли съ вами на скамейкѣ и вы говорили съ такой искренностью... А вддали пѣли трубы оркестра и мнѣ казалось, что все поетъ вокругъ... Я люблю васъ.

Она вздрогнула и какъ-то испуганно посмотрѣла на него своими удивленными карими глазами.

— Вы разсердились на меня? — упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

... Чтобъ ему закиснуть безъ движенія по службѣ этому несносному пшюту-поручику, фатовски крутящему усы и не дающему сдѣлать лишняго тура? Только-что онъ хотѣлъ съ пылкостью, свойственной первому офицерскому, чину, убѣдить свою даму въ искренности своихъ словъ и вдругъ...

— Finissez!

Они вышли подь руку изъ залы. Группа студентовъ окружила дѣвушку, и раздосадованный юноша поспѣшилъ ухъхать изъ собранія, не дожидаясь даже мазурки.

* * *

Прошла зима. Пышнымъ цвѣтомъ одѣлись сирени въ городскомъ саду,

Артистъ Петроградскихъ и Московскихъ театровъ

Р. М. Норинъ („Дядя Ромаша“).

переполненномъ въ день открытія гуляющими.

Провозившись довольно долго съ укладкой вещей передъ отъѣздомъ въ лагери, онъ пріѣхалъ въ садъ сравнительно поздно и неподалеку отъ входа встрѣтилъ нравившуюся ему брюнетку.

— Отчего васъ нигдѣ не было видно?—привѣтливо улыбнулась она.—Вы даже не захотѣли ни разу къ намъ заѣхать...

— Я право не зналъ, что могу...—захлебнулся отъ радости юноша:—Я страшно хотѣлъ видѣть васъ... Все дѣла...

Они, отдѣлившись отъ остальной компаніи, свернули съ главной аллеи. Ночь дышала вечерней прохладой, благоухали лиловыя гроздья сирени, яркими огнями мерцали на темно-синемъ небѣ далекія звѣзды.

— Какъ здѣсь хорошо,—сказала дѣвушка, садясь на скамейку.

Недостаетъ соловья, — улыбнулся офицеръ.

— Но за то звучитъ нашъ вальсъ, чудный, элегическій вальсъ...

Юношѣ показалось, что аромат сире-

ни, кольцомъ охватившей скамейку, кружитъ ему голову,

— И какъ мнѣ хочется каждый разъ подъ звуки этого вальса сказать вамъ,—страстно началъ онъ:— что я люблю васъ. Люблю съ первой встрѣчи, съ первыхъ словъ... Люблю въ васъ—все—и звукъ вашего голоса, и привѣтливую улыбку, и взглядъ карихъ глазъ.

Она, блѣдная и смущенная, молчала.

— Я не знаю, вѣрить ли мнѣ вамъ,—тихо сказала она:—Но если вы сказали правду, то...

— А мы васъ давно ищемъ. Ёдемъте. Мой экипажъ ждетъ. — И передъ ними предстала компанія, во главѣ съ пріѣзжимъ изъ Петербурга молодымъ инженеромъ, мѣстнымъ помѣщикомъ, къ которому въ имѣніе собиралась компанія.

Инженеръ самоувѣренно подаль руку еще неоправившейся отъ смущенія барышнѣ и, извинившись передъ офицеромъ, повлекъ ее къ выходу.

Легкое, нѣжное пожатіе дѣвушки на прощанье жгло руку офицера, глаза его застилалъ туманъ, земля, казалось, уходила изъ подъ ногъ.

Не смѣшивайте съ другими фирмами! Обращайте вниманіе на № 6.

Фактъ, а не реклама!!!

Не забудьте обратить вниманіе на № 6. Эстонскій магазинъ: Аптекарскій пер., № 6. Только тамъ можно дешево купить изъ хорошаго матеріала:

Модныя весеннія пальто изъ хорошаго драпа по 3.300 мар. и дороже.

Костюмы по 2.600 мар. и дороже.

Мужск. брюки по 700 м. и дороже.

Дождевики по 2.400 мар. и дороже.

Просимъ убѣдиться лично!

Просимъ не смѣшивать съ другими фирмами!

Просимъ обратить вниманіе:

[Аптекарскій пер., № 6.

— Что это-отвѣтъ на его чувство?!—
О, какъ онъ ненавидѣлъ въ настоящій
моментъ инженера, такъ некстати по-
мѣшавшаго ему!

Рано утромъ на слѣдующій день
полкъ выступилъ въ лагери, а затѣмъ
началась война.

Больше они не встрѣчались.

* *

Тяжелые, полные незаслуженныхъ
обидъ и лишеній для русскаго офицер-
ства годы сѣбли его молодость. Прежде-
временная сѣдина посеребрила виски...

И вотъ онъ звучитъ снова, милый,
старый, полузабытый вальсъ...

Звучитъ такъ же, какъ и тогда,
словно нѣтъ горькихъ ушедшихъ въ

безвозвратное прошлое лѣтъ, и все
осталось прежнимъ...

Встаетъ передъ нимъ образъ кра-
сивой дѣвушки съ выразительными
карими глазами и буклями пышныхъ
волосъ, выбившихся изъ подъ шляпы.
Чистымъ и свѣтлымъ вѣетъ отъ нея,
лаской и привѣтомъ звучитъ ея голосъ.

Гдѣ она теперъ? Вышла замужъ,
дождалась дѣтей, ушла въ хозяйство?
Или, какъ и онъ, вдали отъ родины
влачить жалкую бѣженскую жизнь, пол-
ную трудовъ и заботъ о завтрашнемъ
днѣ? А, быть можетъ, умерла? Чистая
и ясная, чуждая прозы земли....

И еще ниже склоняется на грудь его
голова, подъ плачущіе и стонущіе звуки
старого вальса.

А. Маккъ.

Осеннее одиночество.

Дѣвушка прекрасная, съ черными рѣсницами,

Почему уѣхала ты куда-то вдругъ?

Въ перелеты осенью я люблюсь птицами

И тогда все думаю о тебѣ, мой другъ!

Вижу дачу старую и окно завѣтное,

Тюлевую занавѣсь и цвѣты по ней,

Только не покажется тамъ лицо привѣтное,

Не услышу голоса ласточки моей.

Отзовись-же дѣвушка, съ черными рѣсницами,

Или ты уѣхала еъ городъ до весны?

Что-жъ,—прокоротаю ночи небылицами,

Лишь-ды мнѣ о дѣвушкѣ говорили сны!..

Влад. Гуцикъ.

Похожденія моего кула Никиты Иваныча.

Изъ воспоминаній о быломъ С.-Петербургскаго купца Т. А. Рыбникова въ
передачѣ В. Нѣмковскаго.

Продолженіе.

II.

На станціи.

Съ кумомъ моимъ Никитой Иваны-
чемъ замѣчательное происшествіе про-
изошло.

Послѣ одного сокрушительнаго де-
боша, устроеннаго имъ по обмалковенію
на радостяхъ, что ихъ супруга вось-
мымъ младенцемъ обмолвилась, — Ники-

та Иванычъ захотѣлъ желѣзнодорожный
променажъ сдѣлать, чтобы отъ виннаго
угара освѣжиться.

Для полнаго удовольствія позвалъ
меня съ собой и отправились мы съ
нимъ на вокзалъ чинно и благородно.

Въ буфетѣ выпили, какъ быть должно,
потомъ малость отъ разстройства чувствъ
поплакали, потому что какъ, ни какъ, а
все-же катастрофа угрожать можетъ, а

у насъ жена, дѣти и прочее хозяйство...

Поплакавши, опять выпили и за симъ пошли на платформу собственными глазами провѣрку дѣлать: не предвидится-ли какой опасности и все ли на поѣздѣ обстоитъ въ порядкѣ?

Прежде всего осматривать паровозъ пошли.

Возлѣ крановъ стоитъ машинистъ, безо всякой, иначе, солидности въ обликѣ.

Никита Иванычъ своимъ образованіемъ сейчасъ же ему носъ утеръ и произвелъ экзаментъ, да такой обстоятельный, что какъ-быто онъ самъ изъ машинистовъ будетъ. Все до капельки въ этомъ дѣлѣ понимаетъ.

Никита Иванычъ строгій вопросъ ему сдѣлалъ:

— А не пьянъ ли ты, братецъ?

Машинистъ вразумительный отвѣтъ далъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше степенство!

— То-то, а то на каждой верстѣ по двѣ катастрофіи производить будешь.

— Будьте покойны, г. купецъ, въ полной сохранности доставлю, безъ всякаго вреда здоровью.

Отъ сихъ лестныхъ словъ, Никита Иванычъ, конечно, умилился. Полѣзъ на паровозъ и началъ цѣловаться съ машинистомъ.

Опосля поцѣлуевъ, Никиту Иваныча просто узнать нельзя было: весь обликъ потемнѣлъ. Это онъ всю, значить, сажу снялъ на себя съ машиниста.

Я его упреждать началъ:

— Не хорошо, говорю, — вродѣ неумытаго араба по станціи ходить.

А онъ свой характеръ сталъ доказывать:

— Плевать! — кричить. — Пусть вся публика видить, какой я есть патриотъ.

Машинистъ ему на счетъ этого намека сдѣлалъ:

— Вы, г. купецъ, потише, потому что у насъ на счетъ безобразій строго. Нарочно для этого дѣла жандармы приставлены.

Никита Иванычъ, извѣстное дѣло, препоны не любятъ, и за этотъ самый намека какъ рявкнетъ на машиниста:

— Чего? Да какъ ты смѣешь меня страшить?! Я тебѣ, можно сказать, благодарѣніе оказалъ, всю твою заочную рожу изцѣловалъ, а ты меня начальствомъ коришь?!

Я его давай сдерживать:

— Не хорошо, говорю, — Никита Иванычъ! Остепенись! Не то, замѣсто желѣзнодорожнаго променажа, опять въ кутузку угодишь!

Никита Иванычъ такъ разсвирѣпѣлъ, что даже никакой учтивости не сталъ понимать:

— Молчи, — кричить, — я никому не дозволю тревожить моевооннаго самолюбїя!

Вижу я, Никита Иванычъ сжалъ кулаки и на паровозъ потянулся. Я его сгребъ за фалды и потянулъ назадъ, а онъ все-таки не унимается:

— Я его, — кричить, — безпремѣнно выутюжить долженъ, чтобы уваженіе ко мнѣ чувствовалъ!

Но до этого дѣла его не допустили. Прибѣжали сторожа и начальникъ станціи въ красной фуражкѣ.

— Что за скандалъ?

— Не скандалъ, а порядками вашими я недоволенъ! — не унимается Никита Иванычъ. — Примѣрно я хочу машинисту экзаментъ произвести, а онъ отъ моевооннаго экзамена рыло воротить.

— Какой такой экзаментъ? — удивляется красная фуражка.

— А вотъ такой, что ежели я за собственныя деньги билетъ купилъ, такъ желаю, чтобы меня въ лучшемъ, видѣ везли, безъ катастрофій... Почемъ я знаю, можетъ этотъ машинистъ дороги не знаетъ, и, замѣсто Москвы, меня въ Парижъ завезетъ? Нешто это порядокъ?! Можетъ я по французскому-то и говорить не умѣю, а онъ меня, — замѣсто Москвы, да въ Парижъ?! Не желаю! Окромѣ того, пусть онъ за полчаса до катастрофіи предупредитъ меня, чтобы я слѣзъ съ поѣзда, потому что не желаю себѣ никакого членовредительства.

Красная фуражка загоготала.

— Не безпокойтесь, — говорить, — не попадете вы ни въ Парижъ, ни въ Москву, а переночуете нынче въ участкѣ.

У Никиты Иваныча даже глаза кровью налились.

— Чего?! Въ участокъ? Да я тебѣ до участка-то лопатки выверну!

Какъ это только онъ вымолвилъ, накинулись на него сторожа, скрутили руки и поволокли его, дѣйствительно, въ участокъ.

Меня за тишину и спокойствіе оставили на свободѣ.

Но какъ увидалъ Никита Ивановичъ, что я иду безо всякаго скандала, началъ приказывать мнѣ:

— Кумъ, оглуши кого ни на есть до полусмерти для компаний!

Вижу это, что ему одному подъ конвоемъ идти, дѣйствительно, скучно,

схватилъ я какого-то пассажира съ чемоданомъ, да этимъ самымъ чемоданомъ и прошибъ ему голову.

Вотъ оно кумъ-то что значить! Совсѣмъ безвиннаго человѣка для его удовольствія на вѣкъ благообразія лишилъ.

Къ аресту Б. В. Савинкова въ Совдепѣи.

Игрокъ кровью.

Борисъ Савинковъ, извѣстный бомбистъ и бывшій вождь эсъ-эровской боевой организаціи, арестованъ въ Совѣтской Россіи.

Большевицкое сообщеніе о судѣ и приговорѣ надъ Савинковымъ, говоритъ, что присужденный ревтрибуналомъ къ смертной казни, Б. В. Савинковъ просилъ, чтобы судьями были приняты во вниманіе *десять совершенныхъ имъ убійствъ* видныхъ дѣятелей стараго режима и тутъ же, будто бы, *выдалъ извѣстныя ему въ Россіи дѣятелей національныхъ организацій.*

Смертный приговоръ Савинкову замѣненъ десятилѣтнимъ заключеніемъ въ тюрьму, а по послѣднимъ сообщеніямъ, и *полнымъ помилованіемъ.*

Его Варшавскіе друзья сначала не допускали возможности измѣны со стороны Савинкова и считали большевицкія сообщенія по этому поводу грубой провокаціей и чудовищной клеветой, но, судя по послѣднимъ извѣстіямъ, какъ-будто и они колебались. Что говорилъ и какъ велъ себя на судилищѣ Савинковъ, мы, конечно, не знаемъ, т. к. его судили негласно, пользуясь же такой обстановкой можно приписать подсудимому какія-угодно показанія и признанія.

Однако, мы убѣждены, что во всей этой исторіи для національныхъ группъ, которыя, повидимому, только однѣ сейчасъ и работаютъ въ Россіи, большой бѣды нѣтъ, ибо Б. В. Савинковъ въ національныхъ кругахъ особымъ довѣріемъ не пользовался, и, слѣдовательно, освѣдомленъ о конспиративныхъ дѣлахъ ихъ, а тѣмъ паче личномъ составѣ не былъ. Его всегда считали революціонеромъ-авантюристомъ, азартнымъ игрокомъ своей, а, главнымъ образомъ, чужой кровью и исключительнымъ честолюбцемъ.

Онъ готовъ былъ итти и дѣйствительно шель со всякой партіей, если она могла дать ему власть и возможность вести за

собой массу, слѣпо-довѣрившихся ему людей. И онъ измѣнялъ, каждый разъ, когда отъ своихъ новыхъ друзей не получалъ удовольворенія своего безграничнаго честолюбія.

Онъ былъ превознесенъ бомбистами эсъ-эрами и ушелъ отъ нихъ, разочаровавшись и написавъ о своемъ разочарованіи два напумѣвшихъ романа. Онъ работалъ съ Керенскимъ въ 1917 году и „шатнулся“ къ Корнилову, когда увидѣлъ, что шансы Керенскаго слабы. Онъ не то измѣнилъ Корнилову, не то чего-то не додѣлалъ въ критическіе переломные дни августа 1917 года, сыгравъ при этомъ очень темную и двумысленную роль.

А послѣ октябрьскаго переворота, исключенный эсъ-эрами изъ партіи, но подержанный чехами и союзниками Савинковъ вышелъ на борьбу съ большевиками.

Онъ организовывалъ возстанія и покушенія, но они всюду срывались.

Послѣ гибели Сѣверо-Западной Арміи, онъ создалъ въ Польшѣ новый противобольшевицкій центръ и вмѣстѣ съ батькой Балаховичемъ предпринялъ походъ въ Россію. Но и здѣсь дѣло у него сорвалось и съ ген. Балаховичемъ онъ навсегда „разошелся“.

Теперь, оставшись безъ роли и безъ партіи, онъ, этотъ игрокъ кровью, измѣнялъ еще разъ и вновь заключилъ, если вѣрить совѣтскому сообщенію, послѣдній стговоръ . . . съ большевиками:

Если это правда, — жалѣть не приходится.

Даже на оборотъ: лучше явный врагъ, чѣмъ тайный.

Въ этомъ предательствѣ, въ сущности, ничего новаго и неожиданнаго нѣтъ.

Вѣдь Савинковъ—бывшій эсъ-эръ, которымъ вообще свойственно предательство. Перешли же въ 1918 году всѣ эти Гоцы, Черновы и т. д., на Волгѣ, на сторону большевиковъ и на судъ въ

Москвѣ хвастались тѣмъ, что съ успѣхомъ разлагали „бѣлыя армія“.

Развѣ была когда-нибудь эта партія серьезно противъ большевиковъ?

Нѣтъ! Этого никогда не было! Спорили и спорять лишь изъ за власти.

Дай имъ большевики 2—3 мѣста въ совнаркомѣ и они сядутъ рядомъ съ ними и будутъ также помыкать и издѣваться надъ русскимъ народомъ.

Не даромъ же верхи партіи запретили

своимъ членамъ терроръ противъ большевицкихъ главарей, какъ „революціонеровъ“.

Нѣтъ. Воронъ ворону глазъ не выклюнетъ!

Измѣна Савинкова — лишнее доказательство, что отъ революціонныхъ группъ надо ожидать по отношенію къ Национальной Россіи предательства, по отношенію же къ большевикамъ — соглашательства.

А. Чернявскій.

Борисъ Савинковъ.

1.

До 1902 года Савинковъ—с.-демократъ.

Скоро онъ покинетъ партію, отвернется отъ нея, уйдетъ. Почему? Какъ онъ объяснить этотъ переходъ? Очень просто, очень кратко, очень реально.

— Соц.-демократическая программа меня давно не удовлетворяла?

Вы спросите:

— Отчего?

И опять отвѣтъ будетъ ясенъ и твердъ:

— Она не отвѣчала условіямъ русской жизни!

И только? И это—все? Въ этомъ была еще причина ухода? Быть можетъ, въ чемъ-нибудь еще?

И Савинковъ договорить:

Въ вопросѣ террористической борьбы я склонялся къ традиціямъ „Народной Воли“.

Вотъ! Вотъ, въ чемъ главное, вотъ, гдѣ измѣна, недовольство партіей, вотъ, гдѣ причина неудовлетворенности!

Программа, идеологія... такъ ли ужъ могли онѣ беспокоить эту мятущуюся душу, этого террориста, этого краснаго скульптора, чей путь былъ пройденъ чрезъ смерти, чрезъ заговоры и бомбы, по сломаннымъ костямъ и рваному мясу, чьи руки неотмываемо окрашены кровью.

2.

О, эти руки!

...Петербургъ... Революція...

Въ домѣ извѣстнаго писателя, въ кругу литераторовъ сидитъ Савинковъ.

Одинъ изъ присутствующихъ долго, съ отточеннымъ любованіемъ, напряженно внимательно вглядывается въ этого историческаго хирурга, знаменитаго человѣка, палача и мстителя... и вдругъ не выдерживаетъ.

Онъ отводитъ сосѣда въ другую ком-

нату. Онъ съ дрожью, съ расширенными глазами говоритъ:

— У него красныя руки. Какія страшныя руки! Посмотрите, эти руки въ крови...

...Парижъ. Большой русскій биллетристъ К. знакомится съ Савинковымъ. За стаканомъ вина они бесѣдуютъ въ номерѣ гостиницы. Притаившись, не отрывая глазъ, К. слушаетъ своего знакомаца.

Потомъ онъ рассказываетъ:

— Жуткій человѣкъ! Савинковъ говоритъ объ убійствахъ, какъ о завтракѣ: „приготовьте сегодня курицу!“ Онъ рассказывалъ мнѣ, какъ былъ убитъ предатель Т... На звонокъ Савинкова онъ отворилъ ему дверь самъ, и выстрѣломъ въ упоръ Савинковъ уложилъ его на мѣстѣ. Онъ сдѣлалъ это спокойно, холодно, безстрашно, и съ тѣмъ же спокойствіемъ объ этомъ вспоминалъ.

И въ напечатанныхъ: „Воспоминаніяхъ“ Савинковъ говоритъ объ этомъ съ той же эпической невозможностью:

— Я предложилъ центральному комитету взять на себя организацію убійства Татарова.

Буквально!

И это было—тоже буквально приведено въ исполненіе.

Холодно, непоколебимо, жестоко и просто!

3.

Какой интереснѣйшій, психологическій типъ! Какая зловѣщая, какая пугающая профессія!

Савинковъ — рѣшимость.

Савинковъ это тотъ, кто преступаетъ и никогда не отступаетъ. Онъ заноситъ свой террористическій топоръ, чтобъ его опустить. Но мечъ ни разу не былъ вынутъ изъ ноженъ напрасно: его вынимали и окровавленная жертва билась на землѣ.

Савинковъ — это внутреннее, это сдержанное кипѣніе огненныхъ страстей.

Савинковъ — это пылающее честолюбіе. Често — но и властолюбіе! И отсюда все. Мятежъ духа, безстрашіе, устремленность и расчетъ, азартъ, бунтарство, соперничество, напряжение воли, командная душа и требовательность. Требовательность къ жизни, къ людямъ, къ партіи, къ исполнителямъ кровавыхъ плановъ, къ женщинамъ, къ любви, къ друзьямъ.

Печоринъ отъ революціи!

Савинковъ — это романтическій реалистъ, которому вдругъ однажды захотѣлось плащъ убійцы смѣнить на плащъ Гамлета, и — онъ въ одинъ неожиданный день написалъ свою полупокаянную полуисповѣдь — полуповѣсть:

— „Конь блѣдный“!

Вѣрить ли ея искренности? И да и нѣтъ! Но неоспоримо одно: Савинковъ преодолѣлъ Ропшина.

Испытанный террористъ побѣдилъ на минуту заколебавшагося интеллигента. Членъ боевой дружины оказался сильнѣе писателя. Но и тамъ и тутъ въ литературѣ остался честолюбецъ.

З. Н. Гиппиусъ, поэтесса, прекрасный пѣнитель словеснаго искусства, шутя, посылаетъ Савинкову сонетъ. Въ приложенной запискѣ, дразня его самолюбіе, она пишетъ ему о трудности многихъ поэтическихъ формъ.

На другой день она получаетъ по почтѣ отвѣтный сонетъ. Подъ нимъ подпись: „Борисъ Савинковъ“.

Савинковъ и перерождение? Савинковъ и молитва о прощеніи грѣховъ? Савинковъ и Богъ религіозной правды? Какой вздоръ! Какая сантиментальность, мелодрама, чепуха!

4.

Рискъ, опасность, препятствія, вызовъ, преодоленіе, пытаніе собственныхъ силъ, подчиненіе чужихъ волей, убійства — вотъ, его единственная, вотъ его родная, вотъ ему близкая и свойственная стихія.

Москва большевиковъ. Уже убить нѣмецкій посолъ Мирбахъ. Готовятся покушенія на Ленина и Троцкаго.

То шопотомъ, то во весь голосъ Москва повторяетъ одно и то же имя:

— Савинковъ! Дѣло рукъ Савинкова! Организациа Савинкова! Агенты Держинскаго рыщутъ и ищутъ

— Савинкова!

Самые близкіе люди теряются въ догадкахъ:

— Неужели Савинковъ здѣсь? Уже-ль въ Москвѣ?

Но въ одинъ свѣтлый, зимній денекъ по люднѣйшему, по Тверскому бульвару, въ самомъ центрѣ Москвы, у памятника Пушкина проходитъ Н., — beau frère Савинкова, и чуть не натывается на него носъ съ носомъ.

Савинковъ едва улыбается углами губъ, пораженный Н. опускаетъ глаза въ знакъ того, что онъ узналъ и молчитъ, и оба расходятся.

Савинковъ даже не заgrimированъ. У него только сбриты усы. Онъ въ формѣ красноармейца: высокихъ сапогахъ, солдатской шинели и фуражкѣ.

Человѣка преслѣдуютъ, за человѣкомъ идетъ охота, по его слѣдамъ пушены сотни агентовъ, шпииковъ, ищеекъ, — а онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, — расхаживаетъ по главному бульвару, въ самомъ сердцѣ Москвы, въ средоточіи сыскаго наблюденія.

Опасно? Еще бы!

Но разъ опасно — надо сыграть *va banque*.

5.

...1918 годъ. Лѣто. Въ Москвѣ „буржуазной“ прессѣ устроена братская могила. Всѣ изданія закрыты. Остатки петербургской печати доживаютъ свои считанные дни. И этимъ приговореннымъ, дышащимъ на ладанъ газетамъ отданъ строжайшій приказъ:

— О зарождающейся красной арміи — ни звука.

Чека входитъ во вкусъ. Начинаются аресты литераторовъ, разстрѣлы офицеровъ. Все „буржуазное“ насторожилось, все чекистское насторожѣ. Москва, — какъ военный лагерь.

И, вотъ, въ эти отчаянныя, страшныя, грозовой тучей нависшія минуты Савинковъ въ Москвѣ, въ самомъ ея сердцѣ, — подъ самымъ носомъ Держинскаго организуетъ секретный штабъ „Союза Защиты Родины и Свободы“.

Штабъ съ десяткомъ отдѣловъ: — оперативнымъ, мобилизаціоннымъ, иногородно-развѣдочнымъ, агитаціоннымъ, конспиративнымъ и т. д. и т. д. и т. д. Но и еще съ однимъ:

— Террористическимъ.

Подъ самымъ недреманнымъ окомъ сыска, выслѣживаемый, настагаемый, какъ охотниками пушной звѣрь, Савинковъ создаетъ огромный конспиративный очагъ возстаній. У самого бока власти онъ роетъ

погребъ, чтобы набить его порохомъ, и когда, потомъ, организацію раскрыли, дѣло провалилось, Троцкий, лично допрашивавшій одного изъ арестованныхъ членовъ „Союза“, капитана Пивку, удивлялся, главнымъ образомъ, тому, что тайное общество могло создаться въ Москвѣ, и онъ, Троцкий, не былъ осведомленъ объ этомъ дѣлахъ три мѣсяца.

Одинъ, иногда только вдвоемъ со своимъ секретаремъ Флегонтомъ Клепиковымъ, — Савинковъ шныряетъ по Москвѣ, налаживаетъ конспиративныя квартиры, формируетъ штабъ, набираетъ членовъ, отдаетъ распоряженія, руководитъ, ходитъ, ѣздитъ, посылаетъ, принимаетъ, разговариваетъ по телефону, наконецъ, налетаетъ лицомъ къ лицу сперва на Луначарскаго, потомъ на самого Менжинскаго.

— Въ обоихъ случаяхъ, — рассказываетъ онъ, — не мы, а комиссары поспѣшили скрыться.

Его то окружаютъ матросы, то вдругъ ночью, на улицѣ, останавливаютъ пятеро вооруженныхъ красногвардейцевъ и требуютъ оружія.

— Мы выстрѣлили, — вспоминаетъ Савинковъ, — и двое большевиковъ упали.

Рискъ? Опасность? Рѣшимость?

Да. Но объ этомъ самъ Савинковъ выражается лаконично:

— Мелочи ежедневной жизни!

Ему мало этого! Мало этихъ встрѣчъ, стрѣльбы, случайностей, этихъ волчьихъ ямъ, этихъ прогулокъ по клеткѣ звѣря. Ему нужно знать отъ самого Ленина о его планахъ борьбы съ „Союзомъ“, Савинкову надо съ нимъ... говорить! И онъ добился. Савинковъ говорилъ по телефону съ Ленинымъ. Отъ имени третьяго лица онъ бесѣдовалъ съ вершителемъ судебъ того момента, и Ленинъ разспрашивалъ Савинкова о „Союзѣ“ и о... Савинковѣ—и...

— „И я отвѣчалъ ему, — эпически констатируетъ онъ, — и распрашивалъ его объ его планахъ“.

Тутъ же насмѣшливо онъ прибавляетъ:

— Не знаю, былъ ли онъ также остороженъ въ своихъ отвѣтахъ, какъ я въ своихъ.

6.

Что же это такое? Кто онъ, начавшій теоріями и программами, продолжавшій кровью, вызовами, безстрашіемъ и кончившій теперь на нашихъ глазахъ предательствомъ и сдачей?

Въ эту сложную и противорѣчивую

ткань вплелись неожиданныя нити, глубоко вошло нѣчто отъ бреттерства, быть можетъ, отъ печоринства, теперь, въ тонъ эпохи, окрашеннаго въ новый цвѣтъ социальнаго политическаго и даже международнаго авантюризма.

Помните ли вы эти записи лермонтовскаго героя, этотъ вопросъ его, эти сомнѣнія:

— Зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя.

И потомъ:

— „Сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы.

Какъ орудіе казни, я упалъ на головы обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія“.

И еще:

— „Я удовлетворялъ странную потребность сердца... и никогда не могъ насытиться!“

Такъ и Савинкова, и этотъ холодъ, и та же ненасытность, и то же исканіе смысла и цѣли. Отсюда — неуравновѣшенность, отсюда — блужданія и неприкаянность.

И всѣ эти блужданія, эти легендарныя удачи, начиная съ знаменитаго Севастопольскаго побѣга, говорятъ о какой-то безпокойной, внутренней тревожности.

„Удачи“... Когда? Увы, онѣ были тогда, когда Савинкову только мечталось о революціи. Революція начала его эпоху неудачничества. Покушеніе на Троцкаго не удалось. Дора Капланъ ранила Ленина, но не убила. Возстанія въ Ярославлѣ, Муромѣ, Казани и другихъ городахъ были раздавлены. Партизанскіе набѣги Балаховича не привели ни къ чему. Вѣра изсякала, силы убавлялись, счастливая звѣзда закатывалась. Распадались организаціи и росло одиночество.

Безъ партіи, безъ родственныхъ группъ, безъ единомышленниковъ Борисъ Савинковъ долженъ былъ все болѣе и болѣе ощущать холодную пустыню отъ своего существованія, тщетность своихъ дѣлъ и начинаній. Онъ жаждалъ блеска, первенства и легендъ, но кругомъ него и въ немъ самомъ начался періодъ таянія. Вмѣсто крѣпкихъ льдовъ обставала тихая вода. Краски линяли. Ореоль гасъ.

И въ исканіи новой игры азартный картежникъ сѣлъ за столъ съ опытнѣйшими шулерами и, боясь проиграть, рѣшилъ передернуть.

Въ послѣднемъ напряженіи гаснущей первой силы, въ изнемогающемъ сладострастіи авантюризма онъ все еще не могъ забыть того, что было, что жило въ его душѣ: — это преслѣдованіе его по цѣтамъ, его заговорщическій геній, боевую организацию, и эти покушенія, на которыя покорно шли покорныя женщины, эти бомбы въ Кіевѣ и въ Петербургѣ, эти выстрѣлы въ Москвѣ, эту безбоязненность разыскиваемого главаря, эту революціонность, эту желѣзную волю, страшные глаза и красныя кисти окровавленныхъ рукъ, эти покаянія Ропшина, эти сонеты, эту страстную любовь къ Парижу, къ Франціи и французамъ, эти скитанія, побѣды, уловки, тактъ и страстность, наконецъ, это былинное муромское предпріятіе, когда нѣсколько человекъ, — чуть ли не шесть! — рѣшились и сумѣли, — во главѣ съ Савинковымъ, — напасть на большевицкую артиллерію, забрать ея денежный ящикъ и уйти.

Нѣтъ, всего этого онъ забыть не могъ, не могъ выбросить ни изъ своего сердца, ни изъ своей памяти. Теперь это выброшено, вычеркнуто и забыто, даже самыми близкими изъ его современниковъ и друзей, но, конечно, и самой исторіей.

Савинковъ подкошенъ. Въ эти минуты онъ лежитъ, повергнутый и свергнутый. Онъ бросился подъ колеса и его переѣхало. Ибо трудно, — просто невозможно, — предполагать, что и въ данномъ случаѣ онъ зашелъ въ чужой станъ для своихъ собственныхъ цѣлей, забрался въ непріятельскій лагерь, чтобы его взорвать. То, что произошло за эти дни, навсегда останется безповоротной сдачей и вмѣсто былыхъ горделивыхъ жестовъ предъ нами бѣдная поза горькаго позора.

Савинковъ конченъ.

П. Шуйскій.

Героямъ и мученикамъ.

На могилѣ борцовъ С.-З. Арміи.

Яркое осеннее солнце золотитъ Копельскія сосны, сѣрый и унылый берегъ и розовую дымку тумана, на фонѣ котораго четко вырисовываются иглистые башни и готическіе шпили Ревеля.

Мѣрно и торжественно, подъ пѣснопѣніе хора, движется крестный ходъ на вновь устроенное и приведенное въ порядокъ Братское кладбищѣ, гдѣ покоится свыше 4.000 умершихъ отъ тифа воиновъ мученически погибшей Сѣверо-Западной Арміи.

Оно невелико. Въ центрѣ возвышается гранитный четырехгранный обелискъ, на которомъ — вызолоченная надпись:

1919—1920

Братьямъ

Сѣверо-Западникамъ,
погибшимъ за Родину.

—
Вѣчная память!

Служить панихиду самъ митрополитъ Александръ, въ сослуженіи архимандрита Печерскаго Іоанна и множества священниковъ. У камня — памятника живыми цвѣтами изображенъ на землѣ бѣлый крестъ, стоятъ депутации, и вьются ленты вѣнковъ: георгіевская, національная трехъ русскихъ цвѣтовъ, бѣлая. Обра-

щаетъ вниманіе прекрасный вѣнокъ, съ шелковой бѣло-сине-черной эстонской лентой. Это делегация отъ Военнаго Министерства Эстонской Арміи съ полк. Симономъ и Комендантомъ Ревеля полковникомъ Раудвере во главѣ, явившаяся отдать долгъ русскимъ братьямъ по оружію.

Послѣ панихиды делегации возлагаютъ вѣнки.

Произноситъ слово Митрополитъ Александръ на тему: „не имамы постоянно пребывающаго гроба, но града Небеснаго възскуемъ“. Говоря о тяжелой судьбѣ бѣлыхъ воиновъ, погибшихъ на чужбинѣ, Владыка призываетъ молится объ ихъ душахъ.

Полковникъ Симонъ говоритъ сначала по эстонски, а затѣмъ по русски, въ теплыхъ и искреннихъ словахъ о геройствѣ погибшихъ:

— Русскія братья по оружію!.. Мы помнимъ ихъ доблесть и преклоняемся передъ ихъ страданіями. Пусть знакомъ нашего чувства будутъ эти цвѣты, бѣлье, какъ дѣло, за которое боролись погибшіе.

Выступаетъ, по уполномочію организаторовъ, съ сильной рѣчью А. В. Чернявскій:

— По всему міру разбросаны безвѣстныя и мученическія могилы русскихъ воиновъ. Преданная союзниками, погубленная измѣною, испытывавшая страданія, которымъ нѣтъ имени на языкѣ человѣческомъ, здѣсь лежитъ геройская Сѣверо-Западная Армія. Намъ цѣнны прозвучавшія здѣсь слова привѣта и признанія братства по оружію, о которомъ такъ тепло сказалъ представитель Эстонской Арміи. Этихъ словъ не забудемъ. Подъ этимъ камнемъ лежатъ герои и мученики. Безуміе и преступленіе народовъ искупаются тяжкими жертвами и страданіями поколѣній. Обманутый предателями и наймитами революціи русский народъ отвергъ Бога, сломалъ историческіе устои своей жизни, разрушилъ свой отчій домъ. Горсть храбрыхъ и вѣрныхъ подняла изъ праха упавшее русское знамя. Сѣверо-Западная Армія здѣсь у воротъ Петрограда до конца выполнила долгъ. Эти могилы и эта жертвенная любовь да укрѣпятъ и закалятъ желѣзомъ наше

сердце. Пусть уходятъ слабые и подлые, игроки человѣческой кровью и пуллеры революціи: національно объединившіея русскіе люди довершатъ дѣло освобожденія Россіи.

„Не нужно ни гимновъ, ни слезъ
мертвецамъ.

„Воздайте имъ лучшей почеть:

„Шагайте безъ страха по мертвымъ
тѣламъ,

„Несите ихъ знамя впередъ!“

А. В. Чернявскій въ заключеніи выражаетъ признательность городскому комитету, пожертвовавшему первыя 20.000 мар. на дѣло устройства кладбища, полковнику эстонской арміи Симону и коменданту г. Ревеля полковнику Раудвере, содѣйствовавшимъ отводу необходимаго участка земли, Русско-Балтійскому заводу, пожертвовавшему матеріалы для ограды, и генералу О. П. Васильковскому, доставившему за свой счетъ 45 деревянныхъ крестовъ.

Борисъ Савиновъ.

Вѣнки на братскую могилу въ Коппель.

*Вамъ, которые вѣрили, вамъ, которые пали,
Нашъ горячій надгробный привѣтъ,
Въ миръ лучшемъ, невѣдомомъ, гдѣ нѣтъ слезъ и печали,
Вы нашли на вопросы отвѣтъ.*

*Вы, которые страждали по лѣсамъ и дорогамъ,
Изнывая отъ боли и мукъ,
Вы, которые бредили передъ страшнымъ порогомъ,
Кто держалъ ваши руки, какъ другъ?*

*Кто согрѣлъ поцѣлуемъ ваши блѣдныя лица?
Кто омылъ ихъ слезами любви,
Чтобы легче душа ваша, плѣнная птица,
Отлетѣла отъ мукъ и крови?*

*Потому, что вы скорбные были такъ одиноки,
Каждый близокъ вамъ, кто одинокъ.
На могилы безвѣстныя, что отъ близкихъ далеки,
Пусть вамъ каждый положитъ вѣнокъ!*

Е. Г.

*Безвѣстные кресты... Безвѣстные герои,
Вы спите здѣсь, далеко отъ семьи...
Вы обрѣли блаженство вѣчнаго покоя,
Россіи Вѣрные Сыны.*

*Пуškai шумятъ вокругъ, пускай бушуютъ страсти,
Вы выполнили долгъ за Родину свою,
Съ оружіемъ въ рукахъ, спасая отъ напасти,
За Честъ вы шли, за Русскую землю...*

*Вамъ не сулилъ Господь дожидаться перемѣны
И счастья свѣтлаго Россіи пережить,
Повернуть въ прахъ правительство измѣны
И Бѣлый Крестъ надъ Русью водрузить.*

*Но мы dokonчимъ начатое Вами.
Спокойно-жъ спите, Бѣлые Орлы.
Какъ вы, сразимся мы съ врагами,
Россіи Вѣрные Сыны...*

Нотбекъ.

Театръ и Кино.

„Пассажъ“.

— Съ 13-го сентября на экранѣ „Конкурсъ купальщицъ“, снятый на пляжѣ Бригиттовки. „Графъ Конъ“, драма въ 7 актахъ по извѣстному роману П. Лангенштейдта, съ участіемъ Ксеніи Десни, Ольги Энгль, І. Римапъ, Г. Валентинъ и др.

„Казино“.

— На экранѣ мировой боевикъ — „Шейлокъ“ („Венеціанскій купецъ“). Драма въ 8 актахъ по трагедіи Шекспира, съ участіемъ Женни Портень, Ліа Эйбеншюцъ, Г. Лидтке, А. Штейнрюкъ, В. Краусъ.

„Рекордъ“.

— „Да здравствуетъ король“, грандіозный шедевръ по сочиненію Чарлса Диккенса, съ участіемъ самаго маленькаго кинематографическаго артиста Джэки Коганъ.

„Грандъ-Марина“.

— На экранѣ: „Въ вихрѣ жизни“, драма въ 6 актахъ по роману Л. Байда „Лавина“, въ главныхъ роляхъ вѣнскіе артисты Михаилъ Варкони и Мэри Кидъ. „Веселые друзья“, американская комическая. На сценѣ: большой дивертисментъ.

Кино-артистка Ева Май †.

(Недавно покончившая самоубійствомъ изъ за несчастной любви).

Копилка курьезовъ.

„ОБОЗРѢНІЕ РЕВЕЛЯ“.

Въ нашемъ Ревелѣ прелестномъ
Чудесь много разныхъ есть,
Ихъ въ порядкѣ здѣсь извѣстномъ—
Мнѣ позвольте вамъ прочесть.

Вотъ на Глинкѣ ослѣпленье—
Магазиновъ цѣлый рядъ...
Въ нихъ,—какое изумленье!
Продавцы одни стоятъ.

Домой въ паркъ, примѣрно, скачетъ
Нашъ трамвай изъ полныхъ силъ,
И шофферъ, бѣдняга, плачетъ:
„Никого не задавилъ“!

Для гимназій русской мѣстной
Лѣтъ ужъ пять все строятъ храмъ,
Но фундаментъ лишь словесный
Пока выстроили тамъ.

Слава Богу—и мы скачемъ,
Есть гдѣ деньги повертѣть,
Кушъ хорошій взять на клячъ
Иль голодному сидѣть.

Переpletъ конторъ, комиссій,
Мирно спитъ любой товаръ.
Нужно нюхъ собачій, лисій,
Чтобъ поймать себѣ наваръ.

Домовъ строятъ у насъ массу,
А живется всѣмъ тѣснѣй,
И квартиры часъ отъ часу,
Дорожаютъ все силанѣй.

А попробуйте,—коль надо,
Себѣ комнату найти,—
Легче въ рай попасть изъ ада,
Сухимъ по морю пройти...

Иль возьмите рестораны
Зазываютъ насъ пѣдой.—
Вотъ поѣли—сыты, пьяны...
А потомъ... къ врачу гурьбой.

Вотъ смотрите въ русской драмѣ—
Все таланты,—господа!
Пьесы ставятъ боги сами,
А въ театрѣ... пустота.

Быль кредитъ, жилось вольготно...
Коммерсантъ сіяль полнѣль,
А теперь пошло—„шморкотно“:
Нѣтъ кредита, нѣту дѣль.

Теперь... въ поискахъ валюты
Ищутъ, нюхаютъ кругомъ,—
Не дождутся той минуты
Добыть доллары тайкомъ.

Авто, мото, дилижансы
Рыщутъ тутъ, туда и тамъ,
И послѣдніе финансы
Отбираетъ linna tram.

Въ кино цѣны безъ запроса
И картины—прямо рай:
Самъ сюжетъ—короче носа,
Только надписи читай.

Пляжъ Бригиттовки курорта
Лучи солнца молодежь,
Люди всѣхъ сословій сорта
Гольшемя лежатъ, сидятъ.

Конкурсъ былъ красоты недавно,
Солнце, жарко, волнъ прибой,—
Оголялись всѣ исправно
Передъ праздною толпой.

А. Эльманъ.

Въ училищѣ на урокъ исторіи.

— Петровъ! Скажите, въ которомъ
году умеръ Наполеонъ Бонапартъ?

— Неужели умеръ? Я даже не
зналъ, что онъ былъ боленъ!

* * *

Учитель: — Какія три слова уче-
ники употребляютъ больше всего?

Ученикъ: (пожимая плечами) — Я
не знаю.

Учитель: — Совершенно вѣрно.

Письма въ редакцію.

М. Г. господинъ редакторъ!

Ко мнѣ поступаютъ письменные и уст-
ные запросы по поводу принимавшейся
одно время комитетомъ эмигрантовъ записи
на работы во Францію.

Завляю, что по имѣющимъ свѣдѣніямъ,
дѣло это не имѣетъ подъ собой никакой
реальной почвы и пока эмигрантамъ ждать
отъ него нечего.

12/IX. Александръ Чернявскій.

Возвращение Тарзана.

Романъ Э. Бюроуза. Переводъ Э. М.
Продолженіе.

Мгновеніе оба стояли, глядя прямо въ глаза другъ другу. На лицѣ де-Куда наростало выраженіе ужаса. Тарзанъ сдѣлалъ еще шагъ къ де-Куду. Когда Д'Арно и Флоберъ, невѣрно истолковавъ его намѣренія, хотѣли броситься между ними, Тарзанъ поднялъ въ знакъ предупрежденія лѣвую руку.

„Не бойтесь, — сказалъ онъ секундантамъ, — я не сдѣлаю ему зла“.

Это было противъ всякихъ правилъ, но они остановились. Тарзанъ подошелъ совсѣмъ вплотную къ де-Куду.

„Вѣроятно вашъ пистолетъ не въ исправности, — сказалъ онъ. — Или вы были не въ настроеніи. Возьмите мой пистолетъ и попробуйте опять“, — и Тарзанъ протянулъ изумленному графу свой пистолетъ, ручкой впередъ“.

„Боже мой, monsieur! — воскликнулъ тотъ. — Вы съ ума сошли?“

„Нѣтъ, мой другъ, — возразилъ Тарзанъ, — но я заслуживаю смерти. Это единственный способъ искупить зло, которое я причинилъ очень хорошей женщинѣ. Возьмите мой пистолетъ и сдѣлайте, какъ я васъ прошу“.

„Это было бы убійство, — возразилъ де-Кудъ. — Но какую обиду вы нанесли моей женѣ? Она поклялась мнѣ, что“...

„Я не это имѣлъ въ виду, — быстро сказалъ Тарзанъ. — Вы сами были свидѣтелемъ бѣды, которая случилась съ нами. Но этого было достаточно, чтобы бросить тѣнь на ея имя и разрушить счастье человѣка, къ которому я не питаю никакой вражды. Вся вина была на моей сторонѣ, и я надѣялся искупить ее сегодня моей смертью. Я разочарованъ. Я вижу, что вы вовсе не такой изумительный стрѣлокъ, какъ меня увѣрили“.

„Вы говорите, что вся вина была на вашей сторонѣ?“ — съ живостью спросилъ де-Кудъ.

„Вся на моей, monsieur. Ваша жена чистая женщина. Она любитъ только васъ. Въ томъ нехорошмъ, что вы видѣли, повиненъ я одинъ. Не по винѣ графини де-Кудъ и не по моей соб-

ственной я пришелъ къ вамъ въ тотъ вечеръ. Вотъ документъ, положительно доказывающій это“.

И Тарзанъ вынулъ изъ кармана показаніе Рокова, за его подписью.

Де-Кудъ взялъ бумагу и началъ читать. Д'Арно и Флоберъ придвинулись ближе. Они были любопытными свидѣтелями этого неожиданнаго конца оригинальной дуэли. Всѣ молчали, пока де-Кудъ не прочелъ бумагу до послѣдней строчки. Тогда онъ взглянулъ на Тарзана.

„Вы храбрый и благородный джентельменъ, — сказалъ онъ. — Я благодарю Бога, что не убилъ васъ“.

Де-Кудъ былъ французъ. Французы впечатлительный народъ. Онъ бросился обнимать Тарзана и расцѣловалъ его. Флоберъ поцѣловалъ д'Арно. Только доктору не съ кѣмъ было цѣловаться. Вѣроятно, онъ обидѣлся. Потому что онъ вмѣшался и попросилъ разрѣшенія осмотрѣть раны Тарзана.

„Въ этого джентельмена угодила, по крайней мѣрѣ, одна пуля, — сказалъ онъ. — А возможно, что и всѣ три“.

„Двѣ, — сказалъ Тарзанъ. — Первый разъ въ лѣвое плечо и второй разъ также въ лѣвый бокъ. Я думаю, обѣ пули засѣли въ мякоти“.

Докторъ, однако, настоялъ, чтобы онъ легъ на траву, и возился съ нимъ, пока не промылъ ему ранъ и не остановилъ кровотеченія.

Въ результатъ этой дуэли всѣ вмѣстѣ возвращались въ Парижъ въ моторѣ д'Арно самыми лучшими друзьями. У де-Куда на душѣ стало такъ легко, что у него пропало всякое злое чувство къ Тарзану. Правда, Тарзанъ, выгораживая Ольгу, взялъ на себя больше вины, чѣмъ ему причиталось на самомъ дѣлѣ, но можно простить ему эту ложь. Онъ солгалъ ради огражденія чести женщины и солгалъ, какъ джентельменъ.

Тарзана уложили въ постель на нѣсколько дней. Онъ находилъ это нелѣпымъ и ненужнымъ, но докторъ и д'Арно такъ близко приняли къ сердцу

его болѣзнь, что ему пришлось уступить изъ любезности: самъ онъ смѣялся.

„Потѣха, право, — говорилъ онъ д'Арно, — лежать въ постели изъ-за булавочнаго укола. Что вы думаете, когда Болгани, король гориллъ, чуть не разорвалъ меня на куски, а я былъ еще маленькимъ мальчикомъ въ то время, — меня уложили на мягкую постель? Какъ бы не такъ. Я просто отлеживался на сыромъ, гниющемъ тростникѣ въ джунгляхъ. Спрятанный подъ укромнымъ кустомъ, я пролежалъ такъ нѣсколько недѣль, и ухаживала за мною только Кала, — бѣдная, вѣрная Кала, отгонявшая насѣкомыхъ съ моихъ ранъ и охранявшая меня отъ хищныхъ звѣрей“.

„Когда я просилъ воды, она приносила мнѣ ее во рту — единственный, извѣстный ей способъ носить воду. Тамъ не было ни стерилизованной марли, ни антисептическихъ бинтовъ. Если бы нашъ милый докторъ видѣлъ тамошнюю антисептику, онъ сошелъ бы съ ума. И все же я выздоровѣлъ — выздоровѣлъ, чтобы слечь теперь въ постель изъ-за царапины. Житель джунглей даже не замѣтилъ бы такую царапину, развѣ что она пришлась бы на кончикъ его носа“.

Тарзанъ оправился черезъ нѣсколько дней, какъ ни въ чемъ не бывало. Де-Кудъ нѣсколько разъ заѣзжалъ къ нему, и, когда онъ узналъ, что Тарзанъ очень озабоченъ присканіемъ себѣ какого-нибудь занятія, онъ обѣщала найти ему мѣсто. Въ первый же день, когда Тарзану разрѣшили выйти, онъ получилъ записку отъ де-Куда съ просьбой зайти къ графу днемъ въ его канцелярію.

Де-Кудъ встрѣтилъ его очень любезно и искренно поздравилъ съ выздоровленіемъ. Съ того самаго утра, со дня дуэли, никто изъ нихъ не упомянулъ даже ни о дуэли, ни о вызвавшихъ ее причинахъ.

„Дорогой Тарзанъ, я думаю, что я нашелъ для васъ какъ разъ самое подходящее, — сказалъ графъ. — Это служба, сопряженная съ довѣріемъ, очень отвѣтственная и для нея требуется большое мужество и проворство. Я не могу представить себѣ болѣе подходящаго человѣка для этой должности, чѣмъ вы, мой любезный Тарзанъ. Вамъ придется путешествовать. А впоследствии

вамъ откроется дорога къ болѣе видному посту, можетъ быть, по дипломатическому вѣдомству.

Сначала, только на короткій срокъ, вы будете назначены специальнымъ агентомъ военнаго министерства. Пойдемте, я представлю васъ вашему будущему начальнику. Онъ лучше меня сумѣетъ объяснить вамъ ваши обязанности, и тогда вы сможете судить, подходитъ вамъ это мѣсто или нѣтъ“.

Де-Кудъ самъ проводилъ Тарзана въ кабинетъ генерала Рошера, начальника департамента, къ которому былъ бы причисленъ Тарзанъ, въ случаѣ его согласія принять мѣсто. Здѣсь графъ разстался съ нимъ, горячо расписавъ доблести Тарзана.

Получасомъ поже Тарзанъ вышелъ изъ кабинета генерала, получивъ первое мѣсто въ своей жизни. Завтра онъ долженъ былъ зайти за дальнѣйшими инструкціями, а пока онъ долженъ былъ готовиться въ отъѣздъ изъ Парижа, — можетъ быть, немедленному, на совершенно неопредѣленный срокъ.

Въ приподнятомъ настроеніи Тарзанъ поспѣшилъ домой подѣлиться хорошей вѣстью съ д'Арно. Наконецъ-то и онъ пригодился для чего-нибудь на бѣломъ свѣтѣ. Онъ начнетъ зарабатывать деньги. Что еще лучше? Онъ отправится въ путешествіе, увидитъ новыя страны и новыхъ людей.

Онъ, какъ бомба, влетѣлъ въ комнату д'Арно и выпалилъ ему однимъ духомъ эту радостную вѣсть. Д'Арно отнесся сдержанно.

„Вы, очевидно, въ восторгѣ, что покидаете Парижъ и что мы съ вами не увидимся, быть можетъ, нѣсколько мѣсяцевъ. Тарзанъ, я не видѣлъ еще болѣе благодарнаго животнаго“.

„Нѣтъ, Поль, я просто ребенокъ. Мнѣ дали новую игрушку, и у меня до смерти руки чешутся скорѣе начать играть“.

Въ результатѣ всего этого, на слѣдующій день Тарзанъ уѣхалъ изъ Парижа. Онъ отправился черезъ Марсель въ Оранъ.

VII.

Танцовщица изъ Сиди-Аисси.

Первая миссія Тарзана не обѣщала быть особенно богатой приключеніями или особенно важной. Правительство имѣло основаніе заподозрить одного

поручика изъ туземнаго полка въ предосудительныхъ сношеніяхъ съ одной крупной европейской державой. Поручикъ Жернуа, въ настоящее время имѣвшій пребываніе въ Сиди-бель-Абессѣ, раньше былъ причисленъ къ главному штабу, гдѣ, по служебнымъ обязанностямъ, онъ имѣлъ доступъ къ документамъ очень важнаго военнаго характера. И правительство подозрѣвало, что одна великая держава вошла въ сдѣлку съ офицеромъ, чтобы выманить у него одно очень важное свѣдѣніе.

Поводомъ къ открытію наблюденія за поручикомъ послужилъ всего только туманный намекъ, вырвавшійся у одной извѣстной парижанки въ припадкѣ ревности. Но главные штабы цѣпко держатся за свои секреты, а измѣна черезчуръ серьезное дѣло. Нельзя было пренебрегать и намекомъ.

Вотъ почему Тарзанъ, подъ видомъ американскаго охотника и путешественника, пріѣхалъ въ Алжиръ для разслѣдованія дѣла поручика Жернуа.

На пароходѣ онъ бурно радовался при мысли, что вотъ онъ снова увидитъ свою любимую Африку. Но сѣверное побережье такъ же разнилось отъ его родныхъ тропическихъ джунглей, какъ Парижъ. Сердечный трепеть, который онъ испытывалъ въ пути, трепеть человека, возвращающагося на родину, оборвался уже въ Оранѣ. Въ Оранѣ онъ пробродилъ цѣлый день по узкимъ, кривымъ переулкамъ Арабскаго квартала, развлекаясь новымъ для него зрѣлищемъ. На слѣдующій день онъ очутился въ Сиди-бель-Абессѣ; онъ представилъ свои рекомендательныя письма гражданскимъ и военнымъ властямъ; въ этихъ письмахъ, конечно, не содержалось и намека на подлинную цѣль его миссіи.

Тарзанъ настолько владѣлъ англійскимъ языкомъ, что могъ прослыть, среди арабовъ и французовъ, американцемъ, а это было все, что требовалось. При встрѣчѣ съ англичанами онъ говорилъ по французски, чтобы не выдать себя какой-нибудь неправильностью произношенія.

Онъ скоро познакомился со многими французскими офицерами и сдѣлался ихъ любимцемъ.

Встрѣчался онъ съ Жернуа. Это былъ молчаливый человекъ лѣтъ соро-

ка, геморроидальнаго вида и очень мало общительный.

Мѣсяць прошелъ безъ всякихъ послѣдствій. Къ Жернуа, повидимому, никто не пріѣзжалъ, а, когда онъ самъ, случайно, бывалъ въ городѣ, онъ не встрѣчался ни съ кѣмъ, въ комъ можно было бы заподозрить тайнаго агента иностранной державы. Тарзанъ начиналъ уже надѣяться, что слухъ о Жернуа окажется ложнымъ. Въ это время Жернуа получилъ приказаніе отправиться въ Бу-Саада въ Малой Сахарѣ, далеко къ югу.

Рота „спаги“ съ тремя офицерами должна была смѣнить другую роту, стоявшую тамъ гарнизономъ. Къ счастью, одинъ изъ офицеровъ, капитанъ Жераръ, очень подружился съ Тарзаномъ, и, когда послѣдній намекнулъ ему, что онъ охотно проводилъ бы капитана въ Бу-Сааду, гдѣ онъ разсчитывалъ поохотиться, это не возбудило ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Въ Буирѣ отрядъ покинулъ поѣздъ: остальную часть пути надо было проѣхать верхомъ. Въ Буирѣ Тарзанъ пошелъ покупать себѣ лошадь. Проходя по узкой улицѣ, онъ замѣтилъ человека въ одеждѣ европейца, глядѣвшаго на него изъ дверей туземнаго кафе. Увидѣвъ Тарзана, человекъ повернулся и вошелъ въ маленькую, низкую, глиняную хижину. Тарзанъ не обратилъ бы на это никакого вниманія, если бы ему не мелькнуло что-то знакомое въ лицѣ и фигурѣ этого молодца.

Переѣздъ въ Омаль утомилъ Тарзана, весь опытъ котораго, по части верховой ѣзды, до сихъ поръ ограничивался уроками въ парижскомъ манежѣ. Онъ рѣшилъ отдаться заслуженному отдыху на мягкой постели въ гостиницѣ, тогда какъ офицеры и солдаты устроились на ночлегъ на военномъ посту, въ баракахъ.

Хотя Тарзана разбудили рано утромъ, рота спаги успѣла уже выступить прежде, чѣмъ онъ кончилъ свой завтракъ. Тарзанъ торопился съ ѣдой, чтобы не слишкомъ отстать отъ роты. Случайно онъ взглянулъ въ открытую дверь, соединявшую столовую съ баромъ.

Къ великому своему удивленію, онъ увидалъ тамъ Жернуа, разговаривавшаго съ тѣмъ самымъ незнакомцемъ, котораго онъ замѣтилъ наканунѣ на порогѣ кафе въ Буирѣ.

Жернуа поднялъ глаза и видимо замѣтилъ наблюдательный взглядъ Тарзана. Незнакомецъ говорилъ шопотомъ, но Жернуа немедленно прервалъ его, и оба сразу повернулись и исчезли изъ поля зрѣнія Тарзана. Это было первое подозрительное обстоятельство, отмѣченное Тарзаномъ, въ связи въ поведеніемъ Жернуа. Тарзанъ почувствовалъ увѣренность, что люди эти ушли изъ бара только потому, что Жернуа поймалъ устремленный на него взглядъ Тарзана. Неотвязчивое впечатлѣніе, что незнакомецъ, въ сущности, знакомъ ему, еще больше укрѣпило Тарзана въ подозрѣніи, что тутъ кроется что-то неладное.

Тарзанъ зашелъ въ баръ, но Жернуа и незнакомца уже не было тамъ; на улицѣ онъ тоже не попалъ на ихъ слѣдъ. Онъ объѣхалъ нѣсколько улицъ, заглянулъ подъ разными предлогами въ нѣсколько лавокъ и рѣшилъ, что надо, въ концѣ концовъ, ѣхать вдогонку за отрядомъ, который значительно опередилъ его. Тарзанъ присоединился къ отряду только въ Сиди-Аисси послѣ полудня, когда солдаты остановились на отдыхъ. Жернуа былъ уже здѣсь, но незнакомца не было видно.

Въ Сиди-Аисси былъ базарный день. Безчисленные караваны верблюдовъ тянулись сюда изъ пустыни; на базарной площади спорили и шумѣли арабы, Тарзану нестерпимо захотѣлось остаться здѣсь на денекъ, присмотрѣться къ этимъ живописнымъ дѣтямъ пустыни. Онъ отпустилъ роту, выступившую дальше точчасъ же послѣ обѣда, и остался. До самаго вечера онъ бродилъ по базару, въ сопровожденіи юноши-араба, Абдула, рекомендованнаго ему хозяиномъ гостиницы, въ качествѣ заслуживающаго довѣрія слуги и переводчика. Тарзанъ купилъ себѣ лошадь лучше той, которую ему пришлось наспѣхъ выбрать въ Буирѣ, и разговаривалъ съ величественнымъ продавцомъ. Онъ узналъ, что хозяинъ лошади, Кадуръ-бенъ-Саденъ — шейхъ племени, живущаго въ пустынѣ, далеко къ югу отъ Джельфы. Тарзанъ черезъ Абдула пригласилъ своего новаго знакомаго пообѣдать съ нимъ. Когда они втроемъ пробирались черезъ толпу торговцевъ, покупателей, верблюдовъ, ословъ и лошадей, отъ которыхъ на базарной площади стоялъ разноголосый гулъ,

Абдуль дернулъ Тарзана за рукавъ. „Господинъ, обернитесь, посмотрите назадъ!—и онъ указалъ на фигуру чловѣка, спрятавшагося, какъ только Тарзанъ оглянулся, за спиной верблюда. — Онъ съ самаго полудня не отстаеетъ отъ насъ“.

„Я только мелькомъ увидѣлъ какого то араба въ темно-синемъ бурнусѣ и бѣломъ тюбанѣ, — отвѣтилъ Тарзанъ. — Вы говорите о немъ?“

„Да. Онъ показался мнѣ подозрительнымъ потому, что онъ, видимо, здѣсь чужой и шляется безъ дѣла, только слѣдить за нами. Это не въ привычкахъ порядочнаго араба. А кромѣ того онъ зачѣмъ-то закрываетъ все время нижнюю часть лица, и видны только одни глаза его“.

„Во всякомъ случаѣ онъ попалъ на ложный слѣдъ, — сказалъ Тарзанъ. — Откуда у меня могутъ быть здѣсь враги? Я первый разъ въ вашей мѣстности. Онъ принялъ меня, вѣрно, за кого-нибудь другого. Онъ скоро убѣдится въ своей ошибкѣ и броситъ слѣдить за нами“.

„А если онъ замышляетъ грабежъ?“ сказалъ Абдуль“.

„Тогда будемъ ждать нападенія, — засмѣялся Тарзанъ. — Ручаюсь, что я отобью у него охоту къ грабежу на весь остатокъ его дней“.

Хорошенько пообѣдавъ, Кадуръ-бенъ-Саденъ началъ прощаться съ хозяиномъ. Онъ съ достоинствомъ увѣрилъ Тарзана въ своей неизмѣнной навѣки дружбѣ и пригласилъ его поохотиться въ его станѣ, гдѣ водится еще достаточно антилопъ, оленей, кабановъ, пантеръ и львовъ. Послѣ его отъѣзда, Тарзанъ вмѣстѣ въ Абдуломъ снова пошли бродить по Сиди-Аисси. На одной изъ улицъ вниманіе Тарзана привлекли дикіе звуки, вылетавшіе черезъ открытую дверь одной изъ многочисленныхъ кофеенъ. Былъ девятый часъ, и танцы были въ полномъ разгарѣ, когда Тарзанъ зашелъ туда. Комната была плотно набита арабами. Всѣ курили и пили густое, горячее кофе.

Тарзанъ и Абдуль заняли свободныя мѣста по срединѣ комнаты. На подмосткахъ танцевала довольно красивая дѣвушка. Замѣтивъ европейскій костюмъ Тарзана и почуявъ щедрую подачу

ку, улэдъ-ноиль¹⁾ бросила въ Тарзана шелковый платокъ. Въ награду она получила франкъ.

Когда ее смѣнила на подмосткахъ другая танцовщица, острые глаза Абдула замѣтили первую въ дальнемъ концѣ комнаты, она разговаривала съ двумя арабами. Они стояли маленькой группой у боковой двери, ведущей во внутренній дворъ съ галлереей вокругъ него. На эту галерею выходили комнаты дѣвушекъ, танцовавшихъ въ кафе.

Сначала Абдуль не обратилъ на это никакого вниманія, но вдругъ онъ замѣтилъ, какъ одинъ изъ арабовъ кивнулъ въ ихъ сторону, и дѣвушка тотчасъ же повернулась и бѣгло взглянула на Тарзана. Потомъ арабы отступили и скрылись во мракѣ двора.

Когда снова наступила очередь первой улэдъ-ноиль, она танцовала какъ будто специально для Тарзана, стараясь находиться вблизи его и даря его обольстительнѣйшими улыбками. Не разъ смуглые сыны пустыни злобно хмурились на высокаго европейца. Но Тарзанъ оставался одинаково равнодушнымъ и къ улыбкамъ танцовщицы, и къ неприязненнымъ взглядамъ ея земляковъ. Дѣвушка снова бросила ему платокъ и опять получила въ награду франкъ. Приложивъ монету ко лбу, по обычаю арабскихъ танцовщицъ, она низко склонилась къ Тарзану и быстро шепнула ему на ухо.

„Тамъ снаружи, во дворѣ — двое мужчинъ, которые желаютъ тебѣ зла, — торопливо сказала она ломанымъ французскимъ языкомъ. — Сперва я общала имъ заманить тебя къ нимъ, но ты былъ добръ ко мнѣ, и я не могу это сдѣлать. Уходи скорѣе, прежде чѣмъ они узнаютъ, что я обманула ихъ. По моему, они — очень дурные люди“.

Тарзанъ поблагодарилъ дѣвушку и сказалъ ей, что онъ будетъ остороженъ. Кончивъ свой номеръ, она прошла черезъ всю комнату и выпорхнула черезъ боковую дверь во дворъ. Но Тарзанъ не внялъ я совѣту и не вышелъ изъ кафе.

Прошло еще съ полчаса безъ всякихъ инцидентовъ, затѣмъ съ улицы зашелъ въ кафе угрюмаго вида арабъ. Онъ сталъ около Тарзана и началъ отпускать оскорбительныя замѣчанія по его адресу; но онъ говорилъ по-арабски,

и Тарзана не понималъ. Абдуль рѣшилъ предупредить его.

„Этотъ арабъ ищетъ ссоры. Онъ не одинъ. Въ случаѣ столкновенія почти вся эта публика будетъ противъ васъ. Господинъ, лучше бы намъ потихоньку уйти отсюда“.

„Спроси его, что ему надо“, приказалъ Тарзанъ.

„Онъ говоритъ, что „европейская собака“ оскорбила улэдъ-ноиль, которая принадлежитъ ему“.

„Скажи ему, что я никого не обижалъ, и я хочу, чтобы онъ оставилъ меня въ покоѣ“.

„Онъ говоритъ, — продолжалъ Абдуль, послѣ того какъ онъ передалъ слова Тарзана арабу, — что вы не только сами собака, но и сынъ собаки, и что ваша бабушка была гѣной и что вы лгунъ“.

Эти пререканія обратили на себя вниманіе сосѣдей, и дружный, насмѣшливый хохотъ, огласившій кафе, ясно указывалъ, на чью сторону клонились симпатіи большинства посѣтителей.

Тарзанъ вообще не любилъ, чтобы надъ нимъ издѣвались. Еще болѣе вывели его изъ себя выраженія араба, но на лицѣ его не было гнѣва, когда онъ поднялся со своего мѣста. Онъ улыбался. Вдругъ могучій кулакъ его опустился на голову продолжавшаго извергать ругательства араба. Тотъ сразу повалился. Не успѣлъ арабъ очутиться на землѣ, какъ въ кафе ворвалось съ полдюжины свирѣпыхъ дѣтей пустыни, очевидно, ожидавшихъ удобнаго момента на улицѣ передъ кафе. Съ криками: „Бей невѣрную собаку!“ они бросились прямо на Тарзана.

Нѣсколько молодыхъ арабовъ, находившихся въ кофейнѣ, тоже вскочили со своихъ мѣстъ, чтобы принять участіе въ избіеніи безоружнаго Тарзана. Ихъ было такъ много, что въ одну минуту, однимъ напоромъ своимъ, они отѣснили Тарзана и Абдула въ конецъ комнаты. Абдуль остался вѣренъ своему господину и, выхвативъ ножъ, дрался рядомъ съ нимъ.

Тарзанъ страшными ударами крушилъ всѣхъ, подвертывавшихся подъ его могучую руку. Онъ дрался спокойнo, безмолвно, съ той же легкой улыбкой, съ какой онъ всталъ, чтобы расправиться съ ругателемъ. Казалось

¹⁾ Арабская танцовщица.

невозможнымъ, чтобы Тарзанъ и Абдуль могли устоять въ кольцѣ сабель и ножей, окружавшемъ ихъ. Но самая скученность нападающихъ послужила для нихъ прикрытіемъ. Арабы, съ дикимъ воемъ и проклятіями, такъ тѣсно сгрудились, что имъ невозможно было размахнуться саблѣй или ножемъ. Еще менѣе можно было себѣ позволить выстрѣлить въ такой обстановкѣ: стрѣлявшій рисковалъ убить или ранить своихъ же сородичей. Наконецъ Тарзану удалось схватить самого яраго изъ нападающихъ. Быстрымъ движеніемъ онъ обезоружилъ его и, поднявъ его передъ собою, точно щитъ, онъ началъ медленно пятиться, рядомъ съ Абдуломъ, къ маленькой двери во внутренней дворъ. На порогѣ онъ на мгновенье остановился и, поднявъ барахташагося въ его рукахъ араба надъ головой, швырнулъ его прямо въ насѣдавшую на него толпу.

Не успѣли Тарзанъ и Абдуль выскочить изъ кофейни, какъ за спиною ихъ раздался выстрѣлъ изъ револьвера, и двѣ закутанныя фигуры бросились къ нимъ, стрѣляя на-ходу. Секунду спустя, одинъ изъ стрѣляющихъ валялся съ вывихнутой кистью на грязной землѣ двора, обезоруженный Тарзаномъ и стоналъ отъ боли. Вслѣдъ за нимъ, покатился и другой, которому Абдуль успѣлъ, пока тотъ цѣлился, всадить въ животъ свой ножъ.

Между тѣмъ, обезумѣвшая орда изъ кафе высыпала тоже на дворъ. Тарзанъ схватилъ саблю челоуѣка, павшаго отъ ножа Абдула, и стоялъ, ожидая нападенія людей, искавшихъ его въ темнотѣ. Вдругъ нѣжная рука легла сзади на его плечо, и женскій голосъ прошепталъ:

„Скорѣй, господинъ, сюда. Слѣдуйте за мною“.

„Абдуль, идемъ,—сказалъ тихо Тарзанъ,—хуже, чѣмъ здѣсь, намъ нигдѣ не будетъ“.

Женщина повела ихъ наверхъ по узкой лѣстницѣ, на галерею, на которую выходила дверь ея комнаты. Это была та самая дѣвушка, которая въ кафе предупреждала Тарзана объ опасности.

Когда они добрались до галереи, они слышали, какъ разъяренная толпа

металась по двору, разыскивая ихъ внизу.

„Они сейчасъ поднимутся сюда,—шепнула дѣвушка.— Вы не должны попасться имъ въ руки. Вы сильны и храбры, но, въ концѣ концовъ, они убьютъ васъ. Торопитесь, вы можете выскочить изъ дальняго окна моей комнаты на улицу. Пока они догадаются, что васъ нѣтъ во дворѣ, вы успѣете дойти до вашей гостиницы“.

Не успѣла она договорить, какъ нѣсколько челоуѣкъ показались на лѣстницѣ, наверху которой они стояли. Одинъ изъ преслѣдователей испустилъ крикъ. Ихъ обнаружили. Толпа поспѣшно бросилась по лѣстницѣ. Передовой сдѣлалъ прыжокъ наверхъ, но неожиданно наткнулся на саблю и съ отчаяннымъ крикомъ повалился на тѣснившихся за нимъ, увлекая ихъ за собой внизъ по ступенямъ. Старая расшатанная лѣстница не выдержала этой тяжести и сотрясенія и съ трескомъ рухнула на стоявшихъ подъ нею арабовъ. Тарзанъ, Абдуль и дѣвушка остались одни на зыбкой площадкѣ галереи.

„Идемте,—крикнула дѣвушка.— Они доберутся къ намъ по другой лѣстницѣ черезъ сосѣдную комнату. Нельзя терять ни минуты“.

Только они вошли въ комнату дѣвушки, Абдуль услышалъ, какъ кто то скомандовалъ внизу, чтобы нѣсколько челоуѣкъ поторопились на улицу и отрѣзали европейцу и его союзнику отступление.

„Теперь мы погибли“,—просто сказала дѣвушка.

„Мы?“ переспросилъ Тарзанъ.

„Да, господинъ, — отвѣтила она.— Они убьютъ меня. Развѣ я не помогала вамъ?“

Это мѣняло все дѣло. До сихъ поръ Тарзанъ увлекался опаснымъ приключеніемъ. Онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы еще разъ схватиться со своими врагами. Но подвергать опасности дѣвушку онъ не хотѣлъ. Будь онъ одинъ, онъ бросился бы, подобно льву Нумѣ, въ самую гущу нападающихъ и, разметавъ ихъ, легко ушелъ бы отъ охваченныхъ оцѣпененіемъ враговъ. Но теперь всѣ его заботы должны были быть направлены на спасеніе дѣвушки и Абдула,—этихъ двухъ

преданныхъ друзей его. Онъ подбѣжалъ къ окну, выходившему на улицу. Черезъ минуту тамъ внизу очутятся враги. Уже слышно было, какъ арабы карабкались по лѣстницѣ въ сосѣднюю комнату. Еще минута, и они навалятся на дверь. Онъ поставилъ ногу на подоконникъ и высунулся, но посмотрѣлъ не внизъ, а вверхъ. Онъ могъ дотянуться рукою до низкой крыши дома. Тарзанъ подозвалъ дѣвушку. Она подошла и стала рядомъ съ нимъ. Онъ обхватилъ ее мощною рукою за талию и положилъ ее черезъ плечо.

„Жди здѣсь, пока я не спущусь за тобой, — сказалъ онъ Абдулу. — А пока завали дверь въ комнату, чѣмъ попало: надо ихъ задержать сколько удастся“.

Онъ сталъ на подоконникъ узкаго окна съ дѣвушкой, висѣвшей у него на плечѣ.

„Ухватитесь крѣпче“, — предупредилъ онъ ее. Черезъ минуту онъ съ легкостью и проворствомъ обезьяны вскарабкался на крышу. Спустивъ дѣвушку, онъ далеко высунулся надъ краемъ крыши и шопотомъ позвалъ Абдула. Юноша подбѣжалъ къ окну.

„Руку“, прошепталъ Тарзанъ.

Люди въ сосѣдней комнатѣ ломились въ дверь. Дверь затрещала и разсыпалась, и въ то же мгновеніе Абдулъ почувствовалъ, что его, какъ перышко, подняли вверхъ на крышу. Это было какъ разъ во-время. Въ тотъ самый моментъ, когда кучка арабовъ ворвалась въ комнату дѣвушки, только-что покинутую бѣглецами, другая кучка ихъ появилась на улицѣ и бросилась къ мѣсту подъ окномъ комнаты.

Глава VIII.

Стычка въ пустынь.

Притаившись на крышѣ, Тарзанъ, Абдулъ и дѣвушка слышали проклятія арабовъ, ворвавшихся въ комнату и никого тамъ ненашедшихъ.

„Они бранятъ стоящихъ на улицѣ“, сказалъ Абдулъ, — „зачѣмъ они позволили намъ убѣжать, а тѣ возражаютъ, что они насъ не видали и что мы должны находиться еще въ зданіи. Они готовы затѣять драку между собой“.

Прекративъ безрезультатные поиски, арабы возвратились въ кафе, и лишь нѣсколько человѣкъ осталось на улицѣ.

Тарзанъ началъ благодарить дѣвушку за жертву, принесенную ею для него, совершенно чужого ей человѣка.

„Вы мнѣ понравились“, просто объяснила она. „Вы такъ не похожи на остальныхъ посѣтителей кафе. Вы не были со мной грубы и дали денегъ, не оскорбляя меня“.

„Что же вы думаете теперь принять?“ спросилъ онъ. „Вѣдь вы не можете вернуться въ кафе, да и вообще будетъ ли для васъ безопасно оставаться въ Сиди-Аиссѣ?“

„Завтра все будетъ забыто, но я была бы очень рада, если бы мнѣ не пришлось возвращаться ни въ это, ни въ какое-либо другое кафе. Я находилась здѣсь противъ воли, т. к. я—плѣнница“.

„Плѣнница?“ съ удивленіемъ спросилъ Тарзанъ.

„Вѣрнѣе раба“, отвѣтила дѣвушка. „Меня похитили изъ дома отца и продали арабу, владѣльцу кафе. Съ тѣхъ поръ прошло уже два года. Мои родные живутъ далеко на югѣ и никогда не пріѣзжаютъ въ Сиди-Аисси“.

„Въ такомъ случаѣ я помогу вамъ добратъся хотя бы до Бу-Саады, а тамъ комендантъ, надѣюсь, отправитъ васъ дальше, домой“.

„Я не знаю, какъ и благодарить васъ, господинъ, но мой отецъ, великій шейхъ Кадуръ-бенъ-Садень, сумѣетъ сдѣлать это“.

„Какъ Кадуръ-бенъ-Садень — вашъ отецъ? Онъ еще сегодня былъ здѣсь и обѣдалъ со мной!“

„Мой отецъ былъ въ Сиди-Аиссѣ? Въ такомъ случаѣ я дѣйствительно спасена!“ воскликнула изумленная дѣвушка.

„Ш-ш“, предостерегъ Абдулъ. „Слушайте!“ Внизу были ясно слышны голоса. Тарзану разговоръ былъ не понятенъ, но Абдулъ и дѣвушка перевели ему.

„Они ищутъ васъ, господинъ“, сказала она. „Одинъ изъ нихъ говоритъ, что незнакомецъ, предложившій ранѣе деньги за то, чтобы васъ убили, лежитъ со сломанной кистью въ домѣ Ахмедадинъ-Сулефа и сейчасъ общается дать большую сумму тому, кто устроитъ вамъ засаду на дорогѣ въ Бу-Сааду и убьетъ васъ“.

„Это тотъ самый человѣкъ, который слѣдилъ за нами на базарѣ“, вмѣшался Абдуль. „Я видѣлъ его и еще одного въ кафе. Оба они, послѣ своего разговора съ этой дѣвушкой, вышли во внутренней дворъ и потомъ стрѣляли въ насъ. Почему они хотятъ васъ убить?“

„Я не знаю“, отвѣтилъ Тарзанъ. „Развѣ только“... Но онъ не докончилъ, т. к. мысль, представлявшая единственное объясненіе случившагося, показала ему слишкомъ невѣроятной.

Тѣмъ временемъ стоявшіе на улицѣ арабы ушли. Кафе и дворъ тоже опустѣли. Тарзанъ, осторожно спустившись на подоконникъ, осмотрѣлъ комнату танцовщицы. Убѣдившись, что она пуста, онъ вернулся на крышу и спустилъ Абдула, а потомъ на его руки дѣвушку.

Послѣ того, какъ Абдуль съ окна прыгнулъ на улицу, Тарзанъ взялъ дѣвушку въ свои объятія и послѣдовалъ вслѣдъ за нимъ. Ему не разъ случалось дѣлать въ своемъ лѣсу, съ ношей въ рукахъ, прыжки съ еще большей высоты. Дѣвушка испытала только легкое сотрясеніе и благополучно стала на ноги.

„Какъ вы сильны и ловки, господинъ!“ воскликнула она. Самъ Эль-адреа—черный левъ, не сильнѣе васъ“.

„Я такъ много слыхалъ о немъ, что очень охотно помѣрился бы силою съ нимъ!“ замѣтилъ Тарзанъ.

„Если вы пріѣдете въ станъ моего отца, вы увидите его. Онъ живетъ въ горахъ, сѣвернѣе насъ, и по ночамъ спускается въ нашъ „дуаръ“. Однимъ ударомъ своей мощной лапы онъ сокрушаетъ быка, и спаси Аллахъ каждаго путешественника отъ встрѣчи съ нимъ ночью“.

Безъ дальнѣйшихъ приключеній добрались они до отеля. Заспанный хозяинъ категорически отказался отъ немедленной организациі поисковъ Кадуръ-бенъ-Садена, но золотой заставилъ его измѣнить свое рѣшеніе, и черезъ нѣсколько минутъ слуга отправился разыскивать его по всѣмъ туземнымъ гостиницамъ.

Поспѣшность Тарзана объяснялась опасеніемъ, что шейхъ отправится въ обратный путь такъ рано, что его уже

не застанутъ. Спустя нѣкоторое время, слуга возвратился вмѣстѣ съ шейхомъ.

„Господинъ оказалъ мнѣ честь“... Началь онъ, но тутъ взгляды его упали на дѣвушку. „Моя дочь!“ воскликнулъ Кадуръ-бенъ-Саденъ, обнимая ее съ радостными слезами на глазахъ. „Хвала Аллаху, ты жива!“ Когда онъ узналъ исторію ея похищенія и освобожденія, онъ протянулъ руку Тарзану. „Все, что имѣетъ Кадуръ-бенъ-Саденъ, принадлежитъ тебѣ, мой другъ. Все, включая даже жизнь мою“, сказалъ онъ просто.

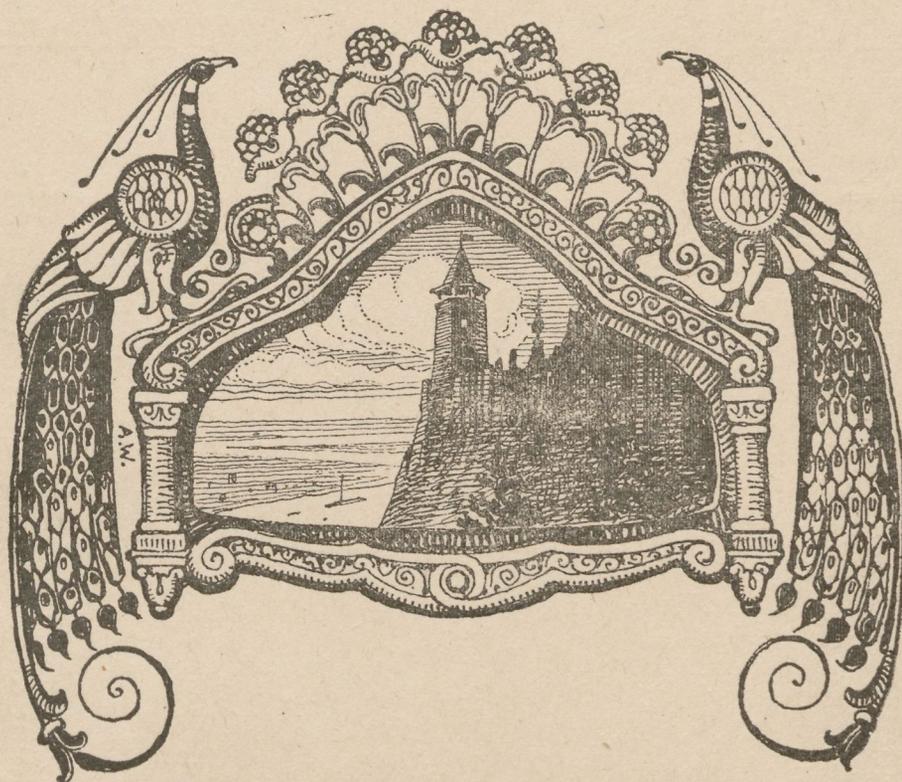
Тарзанъ зналъ, что это были не пустые слова. Было рѣшено отправиться въ путь раннимъ утромъ, чтобы попытаться достигъ Бу-Саады въ тотъ же день. Для мужчинъ это путешествіе не представляло особыхъ трудностей, но дѣвушку оно должно было страшно утомить. Однако, именно она хотѣла уѣхать, какъ можно скорѣе, стремясь увидѣть своихъ родныхъ и друзей, съ которыми была въ разлукѣ цѣлыхъ два года. Когда Тарзана разбудили, ему казалось, что онъ вовсе не спалъ. Черезъ часъ они находились уже въ пути. Сперва дорога была хорошая, но черезъ нѣсколько миль начались пески, и лошади стали увязать по колѣна чуть не на каждомъ шагу. Вѣтеръ обдавалъ путешественниковъ клубами пыли, губы Тарзана сохли и трескались. Окружающій его пейзажъ былъ далеко непривлекателенъ: обширное, песчаное пространство, съ рѣдкими холмами, покрытыми жалкимъ кустарникомъ, и только далеко на югѣ обозначалась тусклыми линиями цѣпь Атласскихъ горъ. Въ воображеніи Тарзана невольной представилась роскошная и плодородная часть Африки, гдѣ протекло его дѣтство.

Путешественниковъ сопровождало 4 араба изъ племени шейха. Имѣя, такимъ образомъ, 7 ружей, они не особенно опасались дневного нападенія и надѣялись еще до наступленія ночи пріѣхать въ Бу-Сааду. Только Абдуль, боясь засады, постоянно оглядывался. На вершинѣ каждаго холма онъ внимательно осматривалъ окрестности и, какъ показало дальнѣйшее, эта предосторожность оказалась далеко не излишней.

Продолженіе слѣдуетъ.

Вышла изъ печати новая книга:

Александръ Черниговскій.

СТРЕМНИНЫ.

ЛЕГЕНДЫ И СИЛУЭТЫ ИЗГНАНІЯ.

Dum spiro, spero... — Обыденный. — Закладъ Св. Чудотворца Николая. — Сильнѣе женщины. — Каменя. — Сердце народа. — Лицо жизни. —
Главкомъ. Обложка работы художника А. И. Владовскаго.

Из-во „Алконость“, Ревель—Берлинъ.

Цѣна 165 мар. Продажа во всѣхъ лучш. книжныхъ магазинахъ Ревеля. Выписывающіе изъ склада изд., Б. Іоакимстальская, № 2, типографія „Эрк“, за пересылку не платятъ.

ТИПОГРАФІЯ и ПЕРЕПЛЕТНАЯ
„ERK”

❖ TALLINN, Suur Juhkentali tänav Nr. 2 ❖

Телефонъ

25-11

Kõnetraat

25-11

TRÜKIKODA
RAAMATUKÕITE

BUCHDRUCKEREI
BUCHBINDEREI